

МИР КАК ТАЛАНТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дяньские бронзы и ханьские печати

Мнимые и подлинные «псевдо-гераклейские» клейма

Эпонимные традиции Родоса, Милета и Ольвии Понтийской

Новое изображение знака Рюриковича во Владимире

Монетные находки XIII—XIV вв. на караванных трассах Сарайчука

Истоки войны: биологические и антропологические теории

Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ

Редколлегия номера:

ответственный редактор — Николай Д. Руссев (†),

зам. отв. редактора — Владимир П. Кирилко, Михаил М. Чореф

E-ISSN 1857-3533

Stratum plus. No. 6.
Archaeology and Cultural Anthropology

Peace as a Talent of Civilization

Bronzes of Dian and Seals of Han
Imaginary and genuine 'pseudo-Heraclean' stamps
Eponymous traditions of Rhodes, Miletus and Olbia Pontica
New image of the Ruriks' emblem from Vladimir
Finds of the 13th—14th centuries coins on the caravan routes of Saraijuq
Origins of war: biological and anthropological theories
World-system analysis and evolution of early and medieval societies

Editor-in-Charge: Nicolai D. Russev (†),
Associate Editors: Vladimir P. Kirilko, Michael M. Choref

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2024

Stratum plus. Nr. 6.
Arheologie și antropologie culturală

Pacea ca talentul civilizației

Bronzurile Dian și ștampilele de Han
Ștampilele „pseudo-heracleote” imaginare și veritabile
Tradițiile eponime ale Rodosului, Miletului și Olbiei Pontice
O nouă reprezentare a simbolului lui Riurikovich în Vladimir
Descoperirile monetare din sec. XIII—XIV pe rutele de caravane ale Saraichikului
Originile războiului: teoriile biologice și antropologice
Analiza Lume-sistem și dinamica societăților străvechi și medievale

Redactor responsabil: Nicolai D. Russev (†),
Redactori adjuncți: Vladimir P. Kirilko, Michael M. Choref

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2024

Памяти
Николая Дмитриевича Руссева
посвящается

In memory of Nikolai Russev

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

От редакции. Дунайская элегия Руссева. Памяти учёного 15

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Е. А. Соловьева, А. Л. Нестеркина, И. С. Гнездилова (Новосибирск, Россия). Рисуночные изображения на керамических изделиях древней Японии и древней Кореи: образы, сюжеты, интерпретация 21

Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва, Россия). Письмо Орея из Мирмекия 35

А. В. Ковальчук (Москва, Россия). Родосские клейма с поселения «Генеральское-Западное». 41

В. И. Кац. Мнимые и подлинные «псевдо-гераклейские» клейма 53

С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев, М. А. Кудинова (Новосибирск, Россия). Дяньские бронзы и ханьские печати 71

Н. И. Винокуров, С. А. Яценко (Москва, Россия), М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Серия тамг на сосуде с городища Артезиан: контекст находки 83

Д. В. Абрамов, О. В. Данилов (Владимир, Россия). Новое изображение знака Рюриковича в составе граффити на стенах Золотых ворот во Владимире 95

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

П. Н. Петров (Нижний Новгород, Россия), У. Т. Ахметова, М. С. Касенов (Атырау, Казахстан), Н. Х. Биккиняев (Волжский, Россия). Монетные находки XIII—XIV вв. на караванных трассах Сарайчука 103

КРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ

В. П. Кирилко (Симферополь, Крым). Обратная сторона детали: каменная пластика феодоритов XV века 119

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ 141

М. А. Лебедев (Москва, Россия). Администрирование внешней ресурсной базы египетским государством Старого царства: проблема согласования письменных источников и археологии 155

Н. И. Николаев (Николаев, Украина). Общее и особенное в эпонимных традициях Родоса, Милета и Ольвии Понтийской 173

Д. О. Гимранов, М. С. Щур (Екатеринбург, Россия), С. Н. Разумов, В. С. Синика (Тирасполь, Молдова). Погребение кошки золотоордынского времени в кургане на левобережье Нижнего Днестра 185

Л. В. Татаурова, К. О. Сопова (Омск, Россия). Русская керамика Тарского Прииртышья XVII—XVIII вв.: от типологии к хронологии 197

СПУТНИЦЫ КЛИО

С. Б. Боруцкая, С. Ю. Фризен, С. В. Васильев (Москва, Россия). Палеодемографическое исследование Змейского средневекового могильника (Северная Осетия) 211

В. Ф. Кашибадзе (Ростов-на-Дону, Россия), О. Г. Кашибадзе (Нижний Архыз, Россия). Население Нижнего Подонья раннего железного века и его место на феногеографических картах Восточной Европы: одонтологическое исследование 223

Н. А. Лейбова (Москва, Россия), У. Б. Гадиев (Назрань, Россия). Одонтологическая характеристика средневековых ингушей (по материалам склепа Цори) 231

ЭКОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭПОХ

С. М. Слепченко (Тюмень, Россия), А. М. Бутягин (Санкт-Петербург, Россия), С. Н. Иванов (Тюмень, Россия), А. В. Хрусталева (Москва, Россия), В. П. Колосов, Н. М. Милихина (Санкт-Петербург, Россия). Результаты археопаразитологического исследования городища Мирмекий римского времени 243

А. Н. Бабенко, А. С. Алешинская, А. Ю. Сергеев (Москва, Россия), Д. В. Власов (Ярославль, Россия). Археобиологические исследования культурного слоя Московского Кремля XIV — начала XV вв. (Тайницкий сад) 255

«SUMMA TECHNOLOGIARUM»

С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, Ф. С. Татауров (Омск, Россия). «Каков замок, таков и ключ». Запорные механизмы XVII—XIX вв. с русских археологических памятников Тарского Прииртышья 283

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Д. Доусон (Гринсборо, Северная Каролина, США). Истоки войны: биологические и антропологические теории 297

А. А. Банщикова, В. Н. Брындина, О. В. Иванченко (Москва, Россия). От «благородных рыцарей» до «чумы Африки»: сравнительное восприятие арабского населения Танганьики британцами и немцами и фактор колониальной агенды 325

Список сокращений 337

Авторам *Stratum plus* 339

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

Editorial. Russe’s Danubian Elegy. To the Memory of the Researcher 15

SIGNS OF TIME

E.A. Solovyeva, A.L. Nesterkina, I. S. Gnezdilova (*Novosibirsk, Russian Federation*).
Drawings on Ceramics in Ancient Japan and Ancient Korea: Motifs, Compositions,
Interpretation 21

F.V. Shelov-Kovedyaev (*Moscow, Russian Federation*). The Oreios’ Letter from Myrmekion . . 35

A. V. Kovalchuk (*Moscow, Russian Federation*). Rhodian Amphora Stamps from the Settlement
of Generalskoe-Zapadnoe 41

V.I. Kac. Imaginary and Genuine ‘Pseudo-Heracleian’ Stamps 53

S.A. Komissarov, A. I. Soloviev, M.A. Kudinova (*Novosibirsk, Russian Federation*). Bronzes
of Dian and Seals of Han 71

N. I. Vinokurov, S.A. Yatsenko (*Moscow, Russian Federation*), M. M. Choref (*Nizhnevartovsk,
Russian Federation*). Tamga Series on a Vessel from Artezian Hillfort: Context of
the Artifact 83

D. V. Abramov, O. V. Danilov (*Vladimir, Russian Federation*). New Image of the Ruriks’
Emblem Discovered in Graffiti on the Walls of the Golden Gate in Vladimir 95

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGES

P. N. Petrov (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*), U. T. Akhmetova, M. S. Kasenov (*Atyrau,
Kazakhstan*), N. H. Bikkinyaev (*Volzhsky, Russian Federation*). Finds of the 13th—14th
Centuries Coins on the Caravan Routes of Saraijuq 103

CRIMEAN ETUDES

V. P. Kirilko (*Simferopol, Crimea*). The Reverse Side of the Detail: Stone Sculpture of the
Theodorites in the 15th Century 119

RESEARCH AND PUBLICATIONS

N. N. Kradin (*Vladivostok, Russian Federation*). World-System Analysis and the Dynamics
of Ancient and Medieval Societies 141

M.A. Lebedev (*Moscow, Russian Federation*). Management of the External Resource Base
by the Old Kingdom Egyptian State: the Issue of Reconciling Written and
Archaeological Sources 155

M. I. Nikolaev (*Nikolaev, Ukraine*). Common and Special in the Eponymous Traditions of
Rhodes, Miletus and Olbia Pontica 173

D. O. Gimranov, M. S. Shchur (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **S. N. Razumov, V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **Cat's Grave of the Golden Horde Time in a Kurgan on the Left Bank of the Lower Dniester** 185

L. V. Tataurova, K. O. Sopova (*Omsk, Russian Federation*). **Russian Ceramics of the Tara Irtysh Region in the 17th—18th Centuries: from Typology to Chronology** 197

CLIO'S COMPANIONS

S. B. Borutskaya, S. Yu. Frizen, S. V. Vasilyev (*Moscow, Russian Federation*). **Paleodemographic Study of the Zmeysky Medieval Burial Ground (North Ossetia)** . . 211

V. F. Kashibadze (*Rostov-on-Don, Russian Federation*), **O. G. Kashibadze** (*Nizhny Arkhyz, Russian Federation*). **The Population of the Lower Don Region in the Early Iron Age and Its Location on Phenogeographical Maps of Eastern Europe: A Dental Study** . . 223

N. A. Leibova (*Moscow, Russian Federation*), **U. B. Gadiev** (*Nazran, Russian Federation*). **Nonmetric Dental Traits in the Medieval Ingush Population (Based on Materials from the Tsori Crypt)** 231

ECOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL INDICATORS OF EPOCHS

S. M. Slepchenko (*Tyumen, Russian Federation*), **A. M. Butyagin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **S. N. Ivanov** (*Tyumen, Russian Federation*), **A. V. Khrustalev** (*Moscow, Russian Federation*), **V. P. Kolosov, N. M. Milikhina** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Results of the Archaeoparasitological Study of the Roman Settlement of Myrmekion** 243

A. N. Babenko, A. S. Aleshinskaya, A. Yu. Sergeev (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Vlasov** (*Yaroslavl, Russian Federation*). **Archaeobiological Research of the Moscow Kremlin Cultural Layer of the 14th — Early 15th Centuries (Taynitsky Garden)** 255

“SUMMA TECHNOLOGIARUM”

S. F. Tataurov, L. V. Tataurova, F. S. Tataurov (*Omsk, Russian Federation*). **“Like the Lock, Like the Key”. Locking Mechanisms of the 17th—19th Centuries from the Russian Archaeological Sites of the Tara Irtysh Region** 283

CULTURAL ANTHROPOLOGY

D. Dawson (*Greensboro, North Carolina, USA*). **The Origins of War: Biological and Anthropological Theories** 297

A. A. Bانشchikova, V. N. Bryndina, O. V. Ivanchenko (*Moscow, Russian Federation*). **From “Noble Cavaliers” to “The Plague of Africa”: Comparative Perception of the Arab Population of Tanganyika by the British and Germans and the Factor of the Colonial Agenda** 325

Abbreviations 337

Submissions 339

Д. Доусон Истоки войны: биологические и антропологические теории

Keywords: anthropology of war, the nature-nurture controversy, Hobbes, Rousseau, Malthus, Spencer, cultural anthropology, sociobiology, cultural ecology, cultural Darwinism

Cuvinte cheie: antropologia războiului, discuție despre „natură/educație”, Hobbes, Rousseau, Malthus, Spencer, antropologie culturală, sociobiologie, ecologie culturală, darwinism cultural

Ключевые слова: антропология войны, дискуссия о «природе/воспитании», Гоббс, Руссо, Мальтус, Спенсер, культурная антропология, социобиология, культурная экология, культурный дарвинизм

D. Dawson

The Origins of War: Biological and Anthropological Theories

This article surveys the history since the Enlightenment of the controversy over the origins and functions of warfare, focusing on the question of whether war is caused by nature or nurture. In the earlier literature (before 1950) five positions are distinguished. (1) The Hobbesian thesis: war is part of human nature and serves both the internal function of solidarity and the external function of maintaining the balance of power. (2) The Rousseauian thesis: war is not in human nature but was invented by states for the functions mentioned above. (3) The Malthusian thesis: war serves the grand function of reducing population, quite apart from its conscious proximate functions. (4) The Spencerian thesis: a combination of Hobbes and Malthus — war serves the grand function of human evolution. (5) The cultural anthropologists' thesis: an extreme version of Rousseau — war is a dysfunctional historical accident. Most of the article is devoted to recent controversy, distinguishing three major theories: (1) sociobiology, an updated version of the Spencerian thesis; (2) cultural ecology, an updated version of the cultural-anthropological thesis, combining Rousseau and Malthus; (3) cultural Darwinism, which holds that the process of cultural evolution mimics natural selection. The last theory is favored here. It implies that warfare has no grand functions, either sociobiological or ecological. War is neither nature nor nurture, but nurture imitating nature. Hobbes was right in thinking war has always been around; Rousseau was right to think primitive warfare was not the same thing as the wars of states.

D. Dawson

Originile războiului: teoriile biologice și antropologice

În studiul de față este analizată discuția privind originile și funcțiile războiului, începând cu epoca Iluminismului. Atenție deosebită este acordată faptului, este oare războiul un produs al „naturii” omului sau al „educației” lui. În literatura timpurie (până la 1950), în această privință, putem delimita cinci poziții. (1) Teza lui Hobbes: războiul este o parte a naturii omului, el îndeplinește funcția internă de întărire a solidarității și funcția externă de menținere a balanței de forțe. (2) Teza lui Rousseau: războiul nu este în natura omului, el a fost inventat de către state pentru a îndeplini funcțiile menționate mai sus. (3) Teza lui Malthus: războiul îndeplinește înalta funcție de micșorare a populației, indiferent de celelalte funcții conștientizate. (4) Teza lui Spencer: combinație a concepțiilor lui Hobbes și Malthus — războiul este în serviciul celei mai înalte funcții a evoluției omului. (5) Teza antropologilor culturali: versiunea radicală a lui Rousseau — războiul este o întâmplare istorică disfuncțională. Marea parte a studiului este dedicată discuției contemporane, în cadrul căreia se evidențiază trei teorii de bază: (1) sociologică — versiunea contemporană a tezei lui Spencer; (2) ecologiei culturale — versiunea contemporană a antropologilor culturali, ce-i combină pe Rousseau și Malthus; (3) darwinismului cultural, care afirmă, că procesul evoluției culturale imită selecția naturală. Autorul preferă ultima teorie. Ea subînțelege, că războiul nu are nici un fel de funcții supreme — nici sociobiologice, nici ecologice. Războiul nu este nici „natură” și nici „educație”, el este „educația”, ce imită „natura”. Hobbes avea dreptate, considerând, că războaiele au existat întotdeauna. Rousseau avea dreptate, afirmând, că războiul preistoric se deosebește substanțial de războaiele între state.

Д. Доусон

Истоки войны: биологические и антропологические теории

В настоящей статье рассматривается дискуссия относительно истоков и функций войны, начиная с эпохи Просвещения. Основное внимание уделяется вопросу о том, порождена ли война «природой» человека или его «воспитанием». В ранней литературе (до 1950) можно выделить на этот счет пять позиций. (1) Тезис Гоббса: война — это часть человеческой природы, она выполняет внутреннюю функцию укрепления солидарности и внешнюю функцию поддержания баланса сил. (2) Тезис Руссо: война — не в человеческой природе, она изобретена государствами для выполнения ука-

Перевод выполнен по изданию: Doyne Dawson. The Origins of War: Biological and Anthropological Theories // History and Theory. Vol. 35, No. 1 (February, 1996). Pp. 1—28. Published by Wiley for Wesleyan University. <https://doi.org/10.2307/2505515>. Copyright © 1996. John Wiley & Sons, Inc. All rights reserved.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Д. Доусон, 2024.

© Перевод с английского языка: Д. В. Рухлядев, 2024.

занных выше функций. (3) Тезис Мальтуса: война выполняет высшую функцию уменьшения населения, вне зависимости от ее осознанных ближайших функций. (4) Тезис Спенсера: сочетание концепций Гоббса и Мальтуса — война служит высшей функции человеческой эволюции. (5) Тезис культурных антропологов: радикальная версия Руссо — война есть дисфункциональная историческая случайность. Большая часть статьи посвящена новейшей дискуссии, в рамках которой выделяются три основных тезиса культурных антропологов, сочетающая Руссо и Мальтуса; (3) культурный дарвинизм, который утверждает, что процесс культурной эволюции имитирует естественный отбор. Автор отдает предпочтение последней теории. Она подразумевает, что война не имеет никаких высших функций — ни социобиологических, ни экологических. Война — это не «природа» и не «воспитание», она есть «воспитание», имитирующее «природу». Гоббс был прав, полагая, что войны существовали всегда; Руссо был прав, утверждая, что первобытная война глубоко отличается от войн между государствами.

В 1986 г. — Международном году мира — в Севильском университете состоялась международная конференция представителей естественных и социальных наук, которая опубликовала «Декларацию о насилии» (по образцу «Декларации о расе» ЮНЕСКО¹), впоследствии принятую Американской антропологической ассоциацией и другими профессиональными организациями. Подписавшие ее ученые выразили желание «оспорить некоторые так называемые биологические открытия, которые использовались <...> чтобы оправдать насилие и войну», и торжественно заявить, что «биология не приговаривает человечество к войне». Они, в частности, провозгласили следующие анафемы:

С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕВЕРНО УТВЕРЖДАТЬ, что мы унаследовали тенденцию воевать от наших животных предков <...> С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕВЕРНО УТВЕРЖДАТЬ, что война или любая другая насильственная деятельность генетически запрограммирована в человеческой природе <...> С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕВЕРНО УТВЕРЖДАТЬ, что в ходе человеческой эволюции происходил отбор в пользу агрессивного поведения...²

Несмотря на эти крупнобуквенные заверения, сомнительно, чтобы в 1986 г. существовало подлинное согласие по этим вопросам в какой-либо из затронутых дисциплин. Разумеется, не было его и у широкой общественности. Вскоре после публикации Севильской декларации было проведено исследование,

в ходе которого выяснилось, что 50% студентов американских колледжей считают, что война «внутренне присуща» человеческой природе (U.S. News and World Report 1988: 57—58). А в дальнейшем как в научной, так и в популярной печати заметно оживились рассуждения о том, что многие аспекты человеческой природы, а именно: личностные особенности, интеллект, гендерные отличия, сексуальная ориентация — передаются по наследству.

Очевидно, что споры о роли «природы» и «воспитания» в развитии³ — быть может, самая долгая дискуссия за всю историю науки — активно продолжают и сегодня. В центре их внимания всегда были война и гендерные отношения — две тесно связанные между собой темы, которые порождают так много острых вопросов о человеческой природе, что обычно считается, что выбор по ним той или иной научной позиции обусловлен политическими мотивами. Авторы Севильской декларации, например, считают само собой разумеющимся, что видеть в войне нечто, присущее человеческой природе, значит «оправдывать насилие и войну», а приписывать последние человеческому воспитанию — значит допускать, что они могут и должны легко контролироваться. Обсуждение этой проблемы осложняется тем фактом, что в XX в. оно стало напоминать войну между факультетами, где на стороне природы выступили биологи (включая многих физических антропологов), а под знаменами воспитания собрались культурные и социальные антропологи. В значительной своей части это была унылая история безрезультатных и однообразных раундов между страстно защищаемыми полуправдами.

Однако некоторые недавние достижения в антропологической теории вселяют надежду на то, что имеющийся разрыв будет преодолен, или, по крайней мере, делают оправ-

¹ То есть «Декларации о расе и расовых предрасудках» (1978) (Свод нормативных актов ЮНЕСКО* 1991: 223—229). Здесь и далее звездочкой отмечены ссылки, отсутствующие в оригинальном тексте. — *Прим. пер.*

² Перепечатано в: (Groebel, Hinde 1989: xiii—xvi). (Севильское заявление* 1993: 40), перевод отличается от приведенного выше. — *Прим. пер.*

³ Далее — дискуссия о «природе/воспитании». — *Прим. пер.*

данным свежий взгляд на данную проблему. В этой статье я хотел бы рассмотреть современные теории об истоках и функциях войны, выдвинутые представителями естественных и социальных наук, привлечь к ним внимание более широкой аудитории (в особенности историков, чья дисциплина традиционно теснее других связана с изучением войны и военного дела, но небогата теориями на этот счет) и сформулировать некоторые предварительные выводы.

Будет, видимо, полезно начать с краткого очерка истории нашей дискуссии в западной традиции, начиная с середины XVII века и до настоящего времени. Нынешние дебаты настолько поляризованы из-за распространенного мнения о том, что согласиться с утверждением, будто война — это в некотором роде норма для человека, значит допустить утверждение, будто война необходима и оправдана. Обзор истории дискуссии показывает, что такое ассоциирование взглядов, пусть оно и обычно, далеко не столь неизбежно, как об этом многие думают, и что чрезмерная политизация вопроса о «природе/воспитании» представляет собой очень позднее явление. Удобно будет начать обзор с эпохи Просвещения, до которой эта проблема вряд ли существовала. Просвещение обозначило предмет спора и наметило два противоположных подхода к его решению, уже в то время связываемые с именами Гоббса и Руссо, к которым я хотел бы добавить еще одно имя, реже встречающееся в литературе о войне, — Томаса Мальтуса⁴.

I. Дискуссия о «природе/воспитании» до Второй мировой войны

(а) Тезис Гоббса: Война — природа человека

В раннее новое время в Европе было распространено мнение о том, что человечество по своей природе склонно к войнам и было таковым всегда, а войны цивилизованных государств — прямое продолжение войн дикарей. Это мнение мы называем «гоббсианским», потому что с наибольшей отчетливостью оно было сформулировано Гоббсом, хотя он лишь

систематизировал точку зрения, широко представленную уже в трудах классических греческих и латинских авторов, прежде всего у его любимого Фукидида⁵. «Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны. Во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести» (Гоббс* 2001: 86—87). Эти три причины восходят к Фукидиду (Фукидид* 1981: 35), и нет ничего нового в заявлении, что война — в природе человека. Новое в анализе Гоббса заключается в утверждении, что война по сути дела и *есть* природа человека. Природное состояние — это «состояние войны». Гоббс был первым ученым нового времени, который проанализировал функции войны и разработал для ее объяснения связную теорию, которую я буду называть теорией баланса сил, хотя в то время этот термин еще не использовался. (Я здесь не имею в виду те далекие от Гоббса понятия международного порядка и стабильности, которые содержатся в некоторых позднейших теориях баланса сил, а лишь фундаментальный принцип гоббсианского мировоззрения, согласно которому весь мир построен на аморальных отношениях власти и подчинения).

Гоббс начинает с детерминистского заявления о человеческой природе: все люди одинаково эгоистичны и повинуются *animus dominandi* («жажде власти»), заключающей в себе три упомянутых выше страсти, которые навечно обрекают их на конфликт друг с другом. Затем он указывает на последствия такого положения дел для человеческого общежития (и системы межгосударственных отношений в целом): данное свойство человеческой природы обязательно порождает всеместное отсутствие безопасности и всеобщее ожидание войны, в котором единственной надежной стратегической логикой выступает логика превентивной войны — нападения на потенциального противника прежде, чем он нападет на тебя.

Вследствие этого взаимного недоверия нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор

⁴ Из ранних работ на эту тему заслуживают внимания два очерка Ван дер Деннена: (Van der Dennen 1990a: 149—188; Van der Dennen 1990b: 247—269). Мартин Сидел (Ceadel 1987) в *Thinking about Peace and War* описывает современные теории, но дает также ценный общий обзор.

⁵ О влиянии Фукидида (1.76) на Гоббса см.: (Slomp 1990: 565—586; Johnson 1993).

пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной; эти меры не выходят за рамки требуемых для самосохранения и обычно считаются допустимыми (Гоббс* 2001: 86).

Такой подход к проблеме международных отношений ныне именуется «реализмом», а авторы реалистических теорий международных отношений всегда признают Гоббса своим духовным отцом.

Очевидно, что Гоббс, подобно большинству позднейших реалистов, видит лишь внешнюю функцию войны. Состояние войны, как он это представлял (по сути, состояние холодной войны), целиком анархично и антисоциально, но все-таки служит целям получения наживы, обеспечения безопасности и обретения славы, так как предвосхищает действия врагов и не допускает возникновения дисбаланса, тем самым устанавливая баланс сил в чьих-либо интересах.

Гоббса справедливо полагают основателем натуралистической школы в изучении войны. Он поставил глобальный вопрос (в той форме, которую мы используем до сих пор): «Является ли природное состояние состоянием войны?», и ответил на него утвердительно, следуя редуccionистской логике, которая, говоря словами участников Севильской конференции, приговорила человечество к войне столь же сурово, как какой-нибудь позднейший дарвинист. Но неясно, считал ли Гоббс «природное состояние» в собственном смысле слова историческим периодом. Гоббсовскому анализу присущ сознательный аисторизм, характерный для большинства теорий общественного договора раннего нового времени. Местами он блестяще использует этнографический материал:

Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру; однако есть много мест, где люди живут так и сейчас. Например, дикие племена во многих местах Америки <...> живут по сю пору в том животном состоянии, о котором я говорил раньше (Hobbes 1958 1.13; Гоббс* 2001 I. XIII: 88).

Более поздние авторы были убеждены в историчности состояния войны и понимали, что если это состояние было историческим периодом, то оно не могло быть анархией. Не было «войны всех против всех», как

думал Гоббс, а была всеобщая война обществ друг с другом. Здесь следует вспомнить одного последователя Гоббса. В 1767 г. шотландский философ Адам Фергюсон опубликовал «Опыт истории гражданского общества», который считается первой попыткой эмпирического исследования истоков войны с использованием этнографических данных. Эти данные, казалось, подтверждают правоту Гоббса — первобытное⁶ состояние действительно было состоянием войны: «Нам уже приходилось отмечать, что во всех первобытных государствах войне отводится чрезвычайно важная роль и что во времена варварства человечество, жившее, как правило, мелкими объединениями, практически непрестанно находится в состоянии межплеменной вражды» (Ferguson 1971 3.5; Фергюсон* 2000 3.5: 220). Фергюсоновская интерпретация этой вражды предвосхищает некоторые идеи позднейшей антропологической теории. Из всех гоббсовских причин войны — соперничества, недоверия и жажды славы — Фергюсон отдает пальму первенства жажде славы. Он полагает, что и каннибалы, и короли сражаются скорее за славу, чем за трофеи или другие материальные выгоды: «Источник разногласий и раздоров люди находят не только в наличных условиях; кажется, семена враждебности наличествуют в самих их душах, и на возможность противостояния они откликаются быстро и с готовностью» (Фергюсон* 2000 1.4: 56—57). Основная причина войны — заурядное «соперничество»⁷. Кроме того, Фергюсон видит положительные ценности там, где Гоббс обнаруживает лишь необходимое зло. Фергюсон отмечает, что война укрепляет гражданское единство, порождает гражданские добродетели, развивает гражданскую организацию и фактически может представлять собой неперенное условие для самого существования цивилизации.

В дополнение к поддержанию баланса сил Фергюсон приписывает войне функцию поддержания гражданской солидарности и морали. Эту идею также можно найти у классических авторов, особенно у римских, и многие писатели раннего нового времени отдавали ей

⁶ Здесь и далее слово «первобытный» (*primitive*) употребляется в двух значениях: 1) доисторический и 2) свойственный первобытному состоянию, дикий. — Прим. пер.

⁷ *Rivalship*, в отличие от *competition* Гоббса. Имеется в виду соперничество из соображений честолюбия, а не за материальные блага. — Прим. пер.

должное⁸, но никто еще не выражал ее столь отчетливо. Фергюсон описывает то, что позднейшие социал-дарвинисты и социобиологи назовут «этноцентризмом», хотя маловероятно, чтобы кто-нибудь из них вдохновлялся непосредственно Фергюсоном. Эта идея придала такое изящество тезису Гоббса, что если бы привычка не приписывала последний Гоббсу, нам следовало бы назвать его фергюсоновским. Гоббс признавал в человеческой природе лишь анархический эгоизм, хотя это не позволяло ему объяснить, откуда берется «жажда славы», так как она, по определению, есть социальная мотивация, и люди, живущие в асоциальном «природном состоянии», не должны заботиться о своей репутации. Согласно более убедительной формулировке Фергюсона, война выполняет две взаимодополняющие функции: внутреннюю — поддержания солидарности и добродетелей, и внешнюю — поддержания баланса сил. Эти функции взаимозависимы, поскольку мы не можем ощутить соперничество без наличия соперников, а наше соперничество не будет успешным до тех пор, пока слово «мы» не приобретет для нас глубокого значения. Согласие во внутренней группе зависит от неприязни к внешней группе, и наоборот.

(b) Тезис Руссо: Война — результат воспитания человека

В классической традиции присутствовал и альтернативный взгляд на истоки войны, известный по Овидию и Сенеке: первобытное и естественное состояние было мирным Золотым веком, а война стала следствием появления собственности и неравенства⁹. Это была пессимистическая традиция, которая не оставляла надежды на возрождение Золотого века: классические авторы представляли его как некую преходящую фазу, когда неболь-

шая численность населения и обилие ресурсов делали возможным мирное сосуществование; наступление цивилизации рассматривалось в целом положительно, и считалось, что в мире, в котором мы живем, война так же неизбежна, как и ее причины — собственность и неравенство.

Некоторые философы-просветители XVIII в., в особенности Монтескье, превратили эту традицию в серьезную антропологическую теорию и сделали Золотой век скорее исторической эпохой, чем мифом. Принадлежащая Монтескье версия этой теории не слишком отличалась от тезиса Гоббса, поскольку Монтескье разделял пессимизм своих классических предшественников. Он считал, что природное состояние было временем мира, но не испытывал по нему большой ностальгии. Он не сомневался, что возникновение гражданского общества было прогрессивным событием и одобрял «справедливые войны», даже справедливые завоевания, указывая на те блага, которые Римская империя принесла своим подданным (*Montesquieu* 1950—1961 10.2—4; *Монтескье** 1999 X. II—IV: 122—126).

Тем не менее здесь имелось и различие, так как природное состояние мыслилось Золотым веком, а не приравнивалось к состоянию войны. Это означало, что войну следует рассматривать как порождение межгосударственных отношений, а не отношений между индивидами, обществами или народами. Получалось, что война — продукт политики, а не человеческой природы. Это побуждало тех, кто сомневался в целесообразности государства или гражданского общества, осудить войну как абсолютное зло.

Руссо без колебаний пришел к этому выводу¹⁰. Его по праву считают философом

⁸ Мысль о том, что Рим начал клониться к упадку после разрушения Карфагена, так как лишился врагов, борьба с которыми поддерживала бы в нем согласие и добрые нравы, повторяется у нескольких латинских авторов. Классический пример — «Югуртинская война» Саллюстия (*Sallustius. Bellum Iugurthinum*, xli.2): «metus hostilis in bonis artibus civitatem retinebat» («страх перед врагами заставлял гражданскую общину быть верной своим добрым правилам»). Ср.: Саллюстий. «Война с Катилиной» (*Sallustius. Bellum Catilinae*, vi—xiii) (*Саллюстий Крисп** 1981 41 (2): 64; *Саллюстий Крисп** 1981 6—13: 7—11).

⁹ О классических представлениях о Золотом веке, или эпохе Кроноса, см.: (*Dawson* 1992). (Обзор на русском языке см. в кн.: (*Чернышов** 1994). — *Прим. пер.*).

¹⁰ Работы Руссо по этой теме собраны в кн.: *Rousseau on International Relations* (*Hoffman, Fidler* 1991) (с обширным предисловием). В ней опубликованы статьи: *Discourse on Political Economy*; *The State of War*; *Fragments on War*; *Abstract and Judgement of Saint-Pierre's Project for Perpetual Peace*; *First Version of the Social Contract*; *Constitutional Project for Corsica*; *Considerations on the Government of Poland*. [Рассуждение о политической экономии; Начала права войны; Фрагменты о войне; Избранные места из проекта вечного мира Сен-Пьера; Суждение о вечном мире; Об общественном договоре (Первый набросок); Проект конституции для Корсики; Соображения об образе правления в Польше]. (В русском переводе эти статьи можно посмотреть в изданиях: (*Руссо** 1969: 142—150; 257—300; 303—351; *Руссо** 2003: 162—172; *Руссо** 2013: 40—78; 240—256; 497—588; *Сен-Пьер** 2003: 136—161). — *Прим. пер.*). См. также: (*Roosevelt* 1990).

мира, так же как Гоббса — философом войны, поскольку он больше, чем кто-либо другой, сделал для приспособления традиционных представлений о Золотом веке к нуждам пацифизма. У Овидия Золотой век — это этиологический миф, объясняющий (и оправдывающий) существование неравенства, войн и прочих несправедливостей; у Руссо — это утопическая модель общества, которую нужно воплотить в жизнь. Правда, его пацифизм остается негативным и пессимистическим. Он не очень-то верит в упразднение войн. Его природное состояние — это идеальный стандарт, который не следует смешивать с социальными реалиями, и приверженность ему есть скорее вопрос веры, чем политики.

В целом философы-просветители испытывали отвращение к войне, сохраняя при этом скептицизм в отношении возможностей ее устранения. Но Руссо вдохнул жизнь в подобные надежды, и к концу столетия они заметно усилились. Кант провозгласил отмену войн необходимой этической целью — в типично кантовской манере, как моральный императив, не зависящий от практической применимости, — тогда как Бентам был уверен в том, что практическая реализация этой цели произойдет вскоре после принятия принципов утилитаризма (Кант* 2003: 205—241; Бентам* 2003: 173—204). Быть может, самой существенной переменной в общественном мнении стал растущий скептицизм по отношению к античной доктрине превентивной войны (без колебаний принятой не только Гоббсом, но и Монтескье с Фергюсоном) и крепнущее убеждение в том, что «справедливые войны» следует ограничить самообороной, которую начали понимать в гораздо более узком смысле, чем раньше¹¹.

Что касается функций войны, то здесь, по видимому, сторонники «цивилизованности» ее происхождения сказали мало нового. Гоббсианцы больше занимались функциями войны, руссоисты — ее истоками. Гоббсианцы интересовались, как лучше всего вести войну, руссоисты — как лучше всего ее избежать. Гоббсианцы стараются объяснить место войны в обществе, руссоисты в основном стремятся осудить ее.

Очевидно, однако, что в XVIII в. позиции сторонников природной и воспитательной

версий не были четко поляризованы. Некоторые философы могли полагать войну естественным для человечества явлением и при этом явным злом, надеясь ограничить ее пагубные последствия, а другие считали ее искусственным феноменом, созданным государствами, но при этом полезным инструментом.

(с) Тезис Мальтуса: высшая функция войны

Все рассмотренные выше теории трактовали войну как нечто, имеющее определенные цели или функции, и утверждали, что «функции» войны более или менее совпадают с ее «истоками». Под «функцией» все они понимали, так или иначе, «намерение»: предполагалось, что причины войн должны быть осознанными и преднамеренными. В этих теориях различались два типа функций: одни были нацелены на внешнюю агрессию, другие — на поддержание внутреннего единства. В большинстве случаев (как среди гоббсианцев, так и руссоистов) акцент делался на внешней функции, хотя Фергюсон полагал внутреннюю функцию первичной.

Наконец, в 1798 г. Томас Мальтус предложил в «Опыте о законе народонаселения» совершенно иной подход к проблеме, в свете которого все предыдущие дебаты на эту тему утратили свое значение (Мальтус* 1868). Быть может, у войны есть более высокая функция, которая не сводится к намерениям ее участников, а остается незримой для них. Функция, которую Мальтус приписал войне, настолько велика, что ее можно назвать космической: война — это часть плана Бога и природы по уменьшению избыточного населения через определенные промежутки времени. Эта теория также имеет своих классических предшественников. Древние стоики и неостоики эпохи Возрождения утверждали, что война входит в провиденциальную программу удержания народов от чрезмерного размножения, ставящего под угрозу их продовольственные ресурсы (Plutarch* 2008: 1049—1049f: 176—179; Lipsius 1939: 2.6—11)¹².

Мальтус не рассуждал о низших или ближайших функциях войны, поскольку, с точки зрения его величественной перспективы, они становились несущественными. Каковы бы ни были осознанные мотивы действий

¹¹ Мне неизвестны сводные работы по идеям Просветителей о войне, но в дополнение к указанной выше литературе можно назвать: (Souleyman 1941; Hemleben 1943; Cox 1960; Kingsley Martin 1963; Gay 1969; Gallie 1978; Gat 1989).

¹² Plutarch. Moralia 1049. Труд Липсия был самым влиятельным нестоическим трактатом эпохи Возрождения. (Об этических воззрениях Юста Липсия, в том числе изложенных в трактате *De Constantia* («О постоянстве»), см.: (Новикова* 2005). — Прим. пер.).

№6. 2024

человеческих субъектов, люди были всего лишь марионетками, управляемыми трансцендентными законами демографии — законами, которые, когда демографический прессинг достигал определенного уровня, начинали играть на струнах человеческой алчности, тщеславия, честолюбия и стремления к безопасности.

Этой трактовке высшей функции¹³ войны суждено было стать чрезвычайно влиятельной в XIX и XX веках. Поскольку она предполагала, что война в конечном итоге приносит пользу, то привлекала в основном гоббсianцев, но в конце концов появились также ее руссоистские версии. Мальтус выступил непосредственным вдохновителем значительной части этих идей, но его собственная теория не была столь уж значительным отходом от классических взглядов, так как он рассматривал войну как инструмент, пусть и жестокий, разумного и упорядоченного космоса. Как и другие мыслители его столетия, он мыслил ее как нечто неустрашимое, бесконечно повторяющееся на протяжении истории и способствующее объединению общества, расширению его границ или корректировке демографических дисбалансов, но при этом всегда стремящееся поддерживать *status quo*, — то есть как некий повторяющийся цикл, ведущий в никуда. Некоторые историки-просветители усматривали признаки однолинейной эволюции в человеческой истории, обычно — простой переход от одной стадии к другой (у Фергюсона — от дикости к варварству и от варварства к гражданскому обществу), и заигрывали с идеей о том, что война есть одна из причин такого развития. Но лишь мыслители XIX в. смогли сформулировать универсалистские видения прогресса, подчас рассматривая войну как его основной инструмент.

(d) Тезис Спенсера: неогоббсianство

Господство однолинейных стадийных теорий человеческого развития облегчило принятие тезиса о том, что война как явление отмирает, поскольку теперь ее можно было приписать диким или варварским стадиям человеческой эволюции, которые вскоре должны исчезнуть в связи с распространением торговли и цивилизации. С этой точки зрения дискуссия «Гоббс–Руссо» утратила всякий

смысл. Вне зависимости от того, практиковал первобытный человек войну или нет, цивилизованный человек практиковать ее не должен. Надежды на ликвидацию войн в произведениях социалистов-утопистов начала XIX в. были такими радужными, какими они никогда не были ни до, ни после. Вскоре они угасли. К середине столетия дискуссия о «природе/воспитании» вспыхнула с новой силой и заняла центральное место в политической теории.

Следуя общепринятому словоупотреблению, я буду использовать термин «социал-дарвинизм» для обозначения всех викторианских теорий социального конфликта, основывающихся на эволюционной биологии, хотя и сознаю, что это в какой-то степени неправильный термин, и лучше было бы именовать их «социал-ламаркизмом» или просто «спенсерианством». Мы вряд ли сможем углубиться здесь в вопрос о том, почему XIX век был так очарован этой парадигмой «прогресса-посредством-жестокой-борьбы». Она существовала задолго до дарвинизма. Несомненно, ее популярность была основана на соединении двух влиятельных в ту пору культурных трендов: культа научно-технического прогресса, который распространился по Европе вместе с сетью железных дорог, и старого романтического культа героического конфликта, который сопутствовал наполеоновским армиям. Все это было сплавлено воедино в притягательных формулировках, выдвинутых Гербертом Спенсером около 1850 г.: безжалостный мальтусовский демографический прессинг вызывает постоянную конкуренцию между обществами; война есть последний судья и главный двигатель эволюции; эволюция означает прогресс в смысле улучшения. «В первые времена завоеваний покорение одного народа другим, в сущности, заключало в себе победу человека способного к общественной жизни над неспособным или, выражаясь точнее, человека более приспособленного над менее приспособленным» (Spencer 1851: 455; Спенсер* 1906: 471). Вскоре для описания этого процесса он ввел ценностно нагруженную формулу: «Выживает наиболее приспособленный». В более поздних работах он исследовал несколько способов, с помощью которых война прокладывает дорогу прогрессу: она улучшает вид, уничтожая неприспособленных и отбирая для дальнейшего воспроизводства смелых и сильных; развивает навыки кооперации, которые делают возможной цивилизованную жизнь; способствует эволюции более крупных и сложных обществ. «Повсюду вой-

¹³ Термин «высшая функция» (*grand function*) введен Дюсоном. В отличие от ближайших функций войны, осознаваемых ее участниками, ее более высокая функция остается неосознанной человеком. — Прим. пер.

ны между обществами порождают правительственные аппараты и служат причинами всех тех улучшений в этих аппаратах, которые увеличивают успешность совокупного действия против других обществ» (*Spencer* 1906: 520; *Спенсер** 1898: 324).

Спенсера сегодня так мало читают, что подобные высказывания легко могут выпасть из контекста и быть неправильно поняты. На самом деле Спенсер был противником милитаристов и империалистов своей эпохи. Он придерживался оптимистического просвещенческого взгляда на историю как на разумный однолинейный прогресс, и был убежден в том, что этот прогресс вел от «эгоистической» стадии «первобытного человека» к «альтруистической» стадии цивилизации. Механизм прогресса был когда-то запущен с помощью войны, но война уже выполнила свою функцию и в современном обществе стала ненужной. В длительной временной перспективе именно альтруисты оказались самыми приспособленными и в конечном итоге победили.

После публикации дарвиновского «Происхождения видов» (1859) Спенсеру и другим показалось, что эта книга с необыкновенной силой подтверждает спенсеровские теории. Совершенно независимо от Спенсера Дарвин разработал схожую теорию эволюции, основывающуюся на мальтузианских законах демографического прессинга, и приложил ее ко всему биологическому миру. Их работы написаны на схожих языках. Дарвин, как и Спенсер, часто использовал военные метафоры, хотя и настаивал, что это всего лишь фигуры речи. Когда Дарвин заимствовал у Спенсера формулу «выживает наиболее приспособленный», он пояснил, что, по его мнению, в борьбе за выживание обычно побеждает тот, кто выносливее или более склонен к взаимопомощи (не обязательно на войне). Тем не менее значительная часть того, что Дарвин называл борьбой за существование, не была метафорой. Он изменил общепринятые представления о первобытном человечестве. Когда Гоббс называл состояние войны «животным» (*brutish*), он использовал метафору; но после Дарвина сказать, что война присуща человеческой природе, означало предположить буквальную связь с нашим животным прошлым. Это получило наглядное подтверждение в 1860-е годы, в связи с открытием неандертальца, которого обычно изображали как жестокое и кровожадное обезьяноподобное существо. А в «Происхождении человека» (1871) Дарвин открыто предположил,

что война в свое время была двигателем человеческой эволюции:

Мы можем видеть, что при самом примитивном состоянии общества личности, наиболее смелые, изобретавшие и употреблявшие наилучшим образом оружие и западни и наиболее способные защищать самих себя, должны были вырастить наибольшее число потомков <...> Когда одно племя увеличивается в числе и одерживает верх, то оно часто увеличивается и за счет того, что поглощает другие племена <...> Когда два племени первобытных людей, живущие в одной стране, сталкивались между собой, то племя, которое (при прочих равных условиях) заключало в себе большее число храбрых, верных и преданных членов, всегда готовых предупреждать других об опасности, помогать и защищать друг друга, — без всякого сомнения, должно было иметь больший успех и покорить другое. Не нужно забывать, какое огромное значение должны иметь мужество и верность при нескончаемых войнах дикарей (*Darwin* 1874: 145—147; *Дарвин** 1953: 241—242).

В этом фрагменте Дарвин обнаруживает влияние журналиста Уолтера Бэджета, ученика Спенсера, которого прозвали первым самозванным социал-дарвинистом из-за откровенных попыток соединить дарвиновскую биологическую эволюцию и спенсеровскую социальную эволюцию, что хорошо видно по заглавию его знаменитой работы «Физика и политика, или Мысли о применении принципов “естественного отбора” и “наследственности” к изучению политического общества» (Лондон, 1872). Несмотря на заглавие, принципы Бэджета, как и Спенсера, были скорее ламаркистскими, чем дарвинистскими. Легкость, с которой викторианцы соединяли социальную и биологическую эволюцию, едва ли будет понятна нам сегодня, особенно если упустить из виду, что почти все в том столетии верили в возможность наследования приобретенных признаков. Даже Дарвин считал это возможным, хотя и менее существенным, чем естественный отбор. Спенсер и его последователи придавали наследованию приобретенных признаков всеобщий характер, и поэтому вся культурная эволюция, по их мнению, должна была быть привязана к биологической. Они воспринимали человеческую эволюцию как быстрый, легко диффундирующий, во многом целенаправленный ламаркистский процесс.

Как и Спенсер, Бэджет считал, что война была важным катализатором этого процесса: «... прогресс обеспечивается с помощью экзамена на выбывание, устраиваемого постоянной войной» (*Bagehot* 1872: 64). Как и Спенсер, он подчеркивал, что победа в войне достигается не столько поголовным уничтожением противников, сколько применением более совершенной организации. Самые культурные — самые сильные. «Победа достается сплоченным племенам, а сплоченные племена — самые культурные. Здесь — начало цивилизации, так как цивилизация начинается с военного превосходства» (*Bagehot* 1872: 47). В то же время он, по-видимому, не разделял уверенности Спенсера в том, что война устарела. Он писал «Физику и политику» в конце Гражданской войны в США и не мог игнорировать уроки этой войны. С некоторой тревогой он отмечал, что современные промышленные демократии с их массовыми армиями могут сделать войну более радикальным эволюционным инструментом, чем прежде.

В поздневикторианскую и эдвардианскую эпохи появилось множество популярных версий социал-дарвинизма. Многие использовали дарвиновскую теорию для оправдания воинствующего национализма, нового империализма и гонки вооружений, ускорившихся в конце XIX века. Они без колебаний объявляли конфликтность запрограммированным поведением человека, неподвластным воспитанию, или приписывали войне роль постоянно действующего эволюционного фактора, временами раздувая его до фантастических размеров. Не могу не процитировать одного британского майора, который писал в 1914 г., что даже отдельные военные тактики имеют наследственный характер: контратака «столь же естественна для британской расы, как строй “бычьих рога” — для зулусских импи¹⁴, замаскированные и окруженные частоколом крепости — для бирманцев, снайперская стрельба и набеги газиев — для диких патанов¹⁵, а массированная ударная атака армейских орд — для современных немцев»¹⁶.

После дискредитации социал-дарвинизма он запомнился в основном как идеология правых сил, однако это слишком большое упрощение. Начнем с того, что его влияние на правых преувеличено. Многие империалисты и националисты старой закалки назывались

социал-дарвинистами только потому, что писали после 1859 г., или, самое большее, потому, что использовали толику модного биологического жаргона для изложения «научных» концепций, имевших гораздо больше общего с Макиавелли и Клаузевицем, чем с Дарвином. Кроме того, часто забывают, что социал-дарвинизм в конце XIX в. оказал влияние на мыслителей всех политических направлений. По словам одного современного исследователя, он был «переводим почти на любой из имевшихся языков политического и социального дискурса» (*Crook* 1994: 192)¹⁷. Он заволаживал феминисток и сторонников патриархального уклада, революционеров-марксистов и частных предпринимателей-капиталистов, пацифистов-интернационалистов и воинствующих империалистов. Ламаркистская пластичность этой парадигмы делала ее пригодной для любых целей.

Биология войны, основанная на дарвинизме, встретила отпор со стороны основанной на нем же биологии мира, которая подчеркивала эволюционные преимущества взаимопомощи, и по крайней мере в англоязычном мире последняя теория имела, быть может, большее влияние. Самая распространенная версия биологии мира, поддерживавшаяся Дарвином и Спенсером и популяризованная в конце столетия Т.Г. Гексли, все еще оставалась неогоббсисским тезисом: ее сторонники считали, что война была адаптивной эволюционной силой на протяжении большей части человеческой истории, но в современных условиях стала дисгенической¹⁸ силой, и призывали цивилизованный мир преодолеть насилие, заложенное в нас природой. Но существовала и более радикальная версия биологии мира, ярче всего выраженная русским анархистом князем Петром Кропоткиным, который в ответ Гексли в 1890-е годы написал в Англии книгу «Взаимопомощь как фактор эволюции». Кропоткина можно охарактеризовать как руссоистского социал-дарвиниста. Он утверждал, что первобытный человек, хотя и не вполне соответствовал образу благородного дикаря, был по природе своей миролюбив и склонен к взаимопомощи, и что война есть искусственное «культурное» изо-

¹⁴ Военный отряд у зулусов. — *Прим. пер.*

¹⁵ Пуштунов. — *Прим. пер.*

¹⁶ Цит. по: (*Crook* 1994: 74).

¹⁷ Крук делает акцент на использование идей социал-дарвинизма либералами и пацифистами. См. также: (*Degler* 1991; *Gay* 1993) — «исследование агрессии в викторианскую эпоху», освещающее многие сюжеты за пределами социал-дарвинизма.

¹⁸ То есть способствующей вырождению. — *Прим. пер.*

бретение, продвигаемое государственными и классовыми структурами, которое появилось в человеческой истории сравнительно поздно (Кропоткин* 2007).

Споры о том, была ли (или является) война евгенической или дисгенической силой, продолжались в течение нескольких десятилетий перед началом мировой войны, причем обе стороны активно использовали биологические аргументы весьма сомнительного качества.

Можно проследить, каким образом наиболее радикальные социал-дарвинисты синтезировали все прежние концепции о функциях войны. По мнению большинства из них, война выполняла как внешние (поддержание баланса сил), так и внутренние функции (укрепление социального единства). (Американский социал-дарвинист У.Г. Самнер в 1906 г. назвал внутренние функции «этноцентризмом», и это определение прижилось). Кроме того, они считали мальтузианскую высшую функцию войны еще более высокой, чем сам Мальтус: Арес не только сдерживал рост населения, но и способствовал его уменьшению; он был создателем и губителем наций, а также двигателем прогресса, не утратив, по мнению некоторых, эту функцию даже в наши дни.

(е) Тезис культурно-антропологической школы: неоруссоизм¹⁹

В начале XX в. позиции сторонников «природы» благодаря менделевской генетике были подорваны, и подорваны основательно. Около 1900 г. биологическое сообщество в целом приняло доктрину о том, что приобретенные характеристики не могут наследоваться. Поначалу это открытие привело лишь к дальнейшему запутыванию дискуссии о «природе/воспитании», по сути — к возникновению нескольких радикальных вариантов биологического детерминизма. Но в длительной временной перспективе оно подорвало основную предпосылку социал-дарвинизма. Кроме того, социал-дарвинистский тезис был дискредитирован его связью с империализмом, милитаризмом, расизмом и евгеникой, и может быть, более всего — мировой войной, которая сделала парадигму «прогресса-посредством-борьбы» абсурдной. К сожалению,

вместе с биологией войны был отброшен и активно развивавшийся антивоенный социал-дарвинизм, в результате чего многообещающие усилия социал-дарвинистов по выработке теорий культурной эволюции оборвались на старте.

Во главе движения против социал-дарвинизма встали представители новой университетской дисциплины — антропологии. На протяжении первой половины XX в. в американской антропологии решительно преобладала (а на антропологов других стран оказывала значительное влияние) культурно-детерминистская школа Франца Боаса и его учеников, в особенности Маргарет Мид и Рут Бенедикт, которые решительно нападали на все, что хотя бы отдаленно предполагало влияние наследственности на культуру. Они считали «культуру» свержорганической сущностью, обладающей гигантскими возможностями формирования сознания индивидуумов, которые, по-видимому, вообще не имели с этой сущностью никакой обратной связи. В ряде радикальных формулировок этой концепции человеческая природа изображалась как нечто, напоминающее чистый лист, на котором можно написать все что угодно.

Культурные детерминисты крайне скептически относились к так называемым поведенческим законам, которые могли наложить ограничения на могущество и автономность культуры, и поэтому очень неохотно признавали существование регуляционных «функций» в том смысле, в котором я использую это слово выше. Особенно резко они отрицали то, что война выполняла какие-либо регуляционные функции — ближайшие ли, высокие ли. Они были склонны описывать войну (если вообще это делали, поскольку обычно предпочитали игнорировать ее, почему я и не пытаюсь отождествить тезис этой школы с каким-то одним автором) как относительно поверхностную адаптацию или ущербную адаптацию, подразумевая при этом, что от нее можно легко избавиться. Маргарет Мид открыто заявила об этом в очерке 1940 г. «Война — всего лишь изобретение, а не биологическая необходимость», в котором доказывала, что война — это «историческая случайность», живучесть которой объясняется (вероятно) силой привычки. Она признавала, что первобытные войны служили разным целям, но считала, что это лишний раз подтверждает «поверхностность» войны. Война может «способствовать росту престижа или мстить за поруганную честь, приносить добычу, женщин, рабов, са-

¹⁹ См.: (Harris 1968; Kuper 1973; Keesing 1974: 73—97; Freeman 1983; Ortner 1984: 126—166); комментарии в разделе “War and the Anthropologists” в книге Джона Кигана (Keegan 1993: 84—94).

говые плантации, скот, ублажать кровожадных богов или неприкаянные души недавно умерших» (Mead 1940)²⁰. Она не видела в этом никакой системы. Почти те же самые идеи легли в основу севильской «Декларации о насилии» 1986 г.

У войны не было никаких реальных функций, не было у нее и своей эволюции. Антропология начиналась как эволюционная наука, но в XIX в. ее теории социальной эволюции всегда оставались в пределах учения об однолинейном стадийном развитии, в ходе которого люди маршируют четким шагом от дикости к варварству и далее к цивилизации. Теперь же эволюция попала под подозрение из-за ассоциаций с социал-дарвинизмом. Антропология, одно время почти смешавшаяся с биологией, внезапно прервала с ней дружбу, и связи между органической и социальной эволюцией были прерваны. Это все еще оставляло шанс для возникновения теории сверхорганической культурной эволюции, но культурные детерминисты слишком настороженно относились к созданию крупных теорий, чтобы пойти на это.

Некоторые антропологи понимали, что война нуждается в объяснении. К тому времени в антропологии была выработана многообещающая идея о том, что значительная часть первобытных войн глубоко отличается от войн, практикуемых цивилизованными обществами. В 1941 г. Бронислав Малиновский опубликовал «Антропологический анализ войны», утверждая, что первобытная война настолько отличается от современной, что их вряд ли можно считать единым институтом (Malinowski 1941)²¹. Он характеризовал самый архаичный вид войны как «юридический механизм», лишенный экономических или политических целей. В 1940-е годы, в десятилетие, когда по очевидным причинам интерес к истокам войны разгорелся с новой силой, эта точка зрения стала чем-то вроде ортодоксии среди ученых-обществоведов. В 1942 г. Куинси Райт опубликовал монументальное «Исследование войн» (Wright* 1965), где сделал вывод о том, что 4% первобытных людей ведут войны лишь в целях самообороны, 59% — по «социальным» (в его терминологии) причинам (месть, престиж, спорт, ритуал) и лишь 37% — с экономическими или политическими

ми целями; в последнюю группу входят более развитые общества. На основании этих данных Джозеф Шнейдер утверждал, что на самом низшем уровне война представляет собой «инструмент преступления и наказания в обществах, где не развита система правосудия. Это не война как таковая» (Schneider 1950)²².

Это означало новый и весьма оригинальный поворот к руссоизму. Он давно назрел. Было накоплено достаточное количество надежных этнографических данных, которые заставляли усомниться в том, что первобытные народы по природе своей миролюбивы. Две крупнейшие антропологические работы о войне, появившиеся в первой половине XX в., — «Эволюция войн: Исследование их роли в ранних обществах» М. Р. Дэйви (Davie 1929; Дэйви* 2009) (один из поздних образцов социал-дарвинизма) и «Исследование войн» Райта — поддерживали Гоббса по этому вопросу. На это, однако, можно было возразить, что в первобытных обществах практиковалась безобидная разновидность конфликтов, которая не была настоящей войной. То, что Райт понимал под «социальной» войной, было близко тому, что Гоббс и Фергюсон понимали под «славой». Правда, Гоббс и Фергюсон никогда не считали славу безобидным мотивом. Современные антропологи стремились опростить мотивы чести и славы, превратив их в некий заурядный «юридический механизм», при этом забывая, что этноцентрическая солидарность относится к сфере глубочайших интересов любой социальной группы, — сфере, вероятно, столь же значимой, как экономическое или политическое превосходство. Считать первобытную войну чем-то фундаментально отличным от войн развитых обществ можно лишь в том случае, если игнорировать внутренние функции войны.

Антропологи продолжали игнорировать проблему эволюции войн, хотя очевидно, что различие между первобытной и «комплексной» войной сразу поднимает вопрос о том, каким образом вторая развилась из первой. Этот вопрос был решительно поставлен Г. Х. Тарни-Хаем в 1949 г. в книге «Первобытная война: практика и концепции» (Turney-High* 1971). Однако, если оставить в стороне таких «диссидентов», как Тарни-Хай, то станет ясно, что новый Руссо где-то с 1950 г. одержал победу над новым Гоббсом.

²⁰ Перепечатано в: (Bramson, Goethals 1964: 269—274).

²¹ Перепечатано в: (Bramson, Goethals 1964: 245—268).

²² Перепечатано в: (Bramson, Goethals 1964: 275—283).

II. Дискуссия о «природе/воспитании» после Второй мировой войны

(а) Тезис социобиологии

Взгляд на природу как на нечто оскаленное и когтистое никогда окончательно не отмирал. Основоположники современной психологии не считали человеческое сознание чистым листом и не поддерживали мнение о том, что человеческая культура бесконечно пластична. Уильям Джеймс в очерке «Моральный эквивалент войны», написанном в проникнутой милитаристскими настроениями атмосфере 1910 г., пришел к выводу, что «партия войны несомненно права, вновь и вновь утверждая, что воинские доблести, хотя первоначально и обретаются расой в ходе войны, являются абсолютными и постоянными человеческими ценностями. Патриотические гордость и честолюбие в их военной форме, в конце концов, — лишь частные случаи общей страсти к состязанию» (Джеймс* 2015: 226)²³. Единственная надежда на мир состоит в том, чтобы перенаправить эту страсть в другое русло²⁴.

В еще более мрачной атмосфере 1932 г. Зигмунд Фрейд писал Альберту Эйнштейну, что война коренится в «инстинкте смерти», «влечении к агрессии и разрушению» и «имеет под собой твердую биологическую основу» (Freud 1950²⁵: 273—287; Фрейд* 1992: 331—337). Ранее, в «Тотеме и табу» (1913) (Фрейд* 2005), Фрейд изложил причудливую антропологическую теорию истоков групповой агрессии, которая никогда не воспринималась всерьез антропологами, но предвосхитила некоторые черты позднейшей социобиологической теории в том, что стремилась увязать войну с первобытными семейными структурами и половыми ролями. Психологи во времена Фрейда могли рассуждать о биологической основе войны, но со стороны биологии они не встречали поддержки. Дарвинизм как социальная и политическая теория между двумя мировыми войнами находился на Западе в упадке. Лишь после Второй мировой войны новые достижения биологии неожиданно способствовали возрождению дискуссии о «природе/воспитании». Сторонники поверженной

«природы» организовали две мощные, быстро сменившие друг друга контратакти: «этологическую» 1960-х и «социобиологическую» 1970-х годов.

В то самое время, когда Фрейд писал Эйнштейну, другой венский ученый, молодой Конрад Лоренц, исследовал социальное поведение галок. Это привело к появлению новой дисциплины — «этологии», или науки о поведении животных. В 1960-е годы серия популярных книг сделала открытия этой науки доступными широкой аудитории (Ardrey 1961; Ardrey 1966; Lorenz 1966; Лоренц* 1994; Tiger 1969; Tiger, Fox 1974). Этологи старались установить связи между войной и агрессивными инстинктами животных и выявить генетическую основу войны, опираясь на открытие в Африке предков человека, ведших явно хищнический образ жизни. С тех пор как Гоббс сделал популярным слово «животный» (*brutish*), натуралисты считали само собой разумеющимся, что человеческие войны связаны с животным миром, вне зависимости от того, трактовалось ли это как метафора (подлинные гоббсианцы), или как прямое биологическое наследие (социал-дарвинисты). Эта связь, казалось, не требовала объяснений вплоть до краха социал-дарвинистской теории в начале XX века. После этого некоторые объяснения связи между человеческой и животной агрессией стали необходимы, если дарвинизм планировалось возродить в качестве источника политической теории. Именно это и сделала новая этологическая школа. Ее главный тезис был сформулирован в заглавии статьи, опубликованной Раймондом Дартом, первооткрывателем австралопитека, в 1953 г.: «Хищнический переход от обезьяны к человеку» (Dart 1953: 201—219). Этология придала новую важность факту хищничества, впервые обратив внимание на значение охоты в ранних человеческих обществах.

Еще Аристотель в «Политике» (3.8) (Аристотель* 1983: 389) предположил, что война развилась из охоты, но более поздние авторы уделяли мало внимания этой идее. Начиная с XVIII в. большинство антропологов согласилось с тем, что охота всюду была первичной стадией развития человеческого общества. После Дарвина стало ясно, что древние люди отличались от всех других приматов тем, что были охотниками. Открытие австралопитека, который, по мнению Дарта, был охотником на крупную дичь, отодвинуло охотничью культуру на много миллионов лет назад. Наконец, в сочинениях этологов была четко сформулирована гипотеза, которую мы можем назвать

²³ Перевод отличается от приведенного выше. — Прим. пер.

²⁴ Цит. по: (Bramson, Goethals 1964: 21—31), ныне доступно также в серии Library of America: (James 1987).

²⁵ Перепечатано в: (Bramson, Goethals 1964: 71—80).

«охотничьей». В ней утверждалось, что охота играла формообразующую роль в эволюции гоминид, поскольку требовала от своих участников сознательной кооперации. Война (охота на людей), очевидно, была трансформацией охоты на животных. Охота и война, будучи почти исключительно мужским делом в первобытных группах, трактовались как продукты полового разделения труда и связывались с такими универсальными моделями социального поведения, как мужская дружба и мужское доминирование. Считалось, что стремление мужчин дружить с другими мужчинами в целях охоты и войны имеет под собой инстинктивную основу²⁶.

Оригинальность этого решения состоит в том, что оно делает акцент не на сходствах, а на различиях между человеческой и животной агрессией. Этологи понимали, что в объяснении нуждаются прежде всего *человеческие качества* войны (*humanness of warfare*). Другие животные не воюют. Хищничество не есть война и не есть подлинная агрессия. Пумы ненавидят оленей не более, чем рыбаки — форель. Хищные животные не отличаются особой агрессивностью по отношению к особям своего вида, на деле они относятся друг к другу даже лучше, чем многие травоядные вроде буйволов и оленей. Как могло получиться, что человеческое хищничество столь легко обратилось против других людей? Этологи считали эту трансформацию побочным продуктом перехода от мирных растительноядных обезьян к гоминидам-убийцам, которые были лишены присущих настоящим хищникам инстинктивных запретов на внутривидовое насилие и стали еще более кровавыми, изобретая рукотворное оружие, поражающее на расстоянии. Эволюция войны, по-видимому, была не столько продолжением, сколько извращением нашего животного наследия. Человек был более животным, чем сами животные.

В ретроспективе нетрудно указать на недостатки и достоинства этологической школы. Она привлекла внимание к важным проблемам, долгое время игнорировавшимся ортодоксальной антропологией, особенно к ведущей роли войны в человеческой истории и к ее месту в человеческой эволюции. Образ «обезьяны-убийцы» был сглажен дальнейшими

исследованиями, но охотничья гипотеза по-прежнему остается привлекательной теорией, которую необходимо принимать во внимание каждому, кто исследует человеческую эволюцию. Однако у этологии были очень слабые места. Во-первых, этологическое понятие «инстинкта», хотя и было шагом вперед по сравнению с социал-дарвинистской верой в ламаркистское наследование приобретенных признаков, оставалось чрезвычайно неопределенным. Этологи в целом отвергали биологический детерминизм: они признавали важность культуры и отрицали неизбежность войн, обычно прибегая к джеймсовской стратегии отыскания иных выходов для агрессивных инстинктов, и считали, что инстинкт войны не может заработать без некоторых внешних триггерных факторов²⁷. Но их метафоры предполагали, что агрессия — это некий вид континуальной или дискретной энергии, требующей выхода; они не могли объяснить, что способствует «запуску» агрессии или где она находится. Их теории объясняли универсальность войны, но не ее столь же очевидную контингентность²⁸.

Во-вторых, этологи были неспособны объяснить альтруизм. Даже социал-дарвинисты спорили о том, каким фактором является война — евгеническим или дисгеническим. После возникновения современной генетики и преодоления ламаркизма стало трудно объяснить, как могла развиваться такая внешне дисгеническая модель поведения, как война. В борьбе за выживание эгоистические индивидуумы должны были иметь столь явное преимущество над индивидуумами, склонными к самопожертвованию, что для альтруистического поведения просто не оставалось места; и война, уничтожавшая наиболее одаренных юношей до того, как они смогут оставить после себя значительное потомство, была одной из самых трудных для объяснения форм альтруизма.

Решение появилось в 1960-е годы, когда эволюционная биология трансформировалась под воздействием ряда новых теорий, особенно концепции «совокупной приспособленности» (*inclusive fitness*). Коротко говоря, формула «выживает наиболее приспособленный» отныне стала прилагаться не только к персональной приспособленности индивидуумов

²⁶ Эта теория суммирована Ш.Л. Уошберном и Ч.С. Ланкастером в статье: (Washburn, Lancaster 1968). Несколько забытых предтеч охотничьей гипотезы рассмотрены в книге Мэта Картмилла: (Cartmill 1994).

²⁷ То есть факторов, запускающих определенные механизмы развития. — Прим. пер.

²⁸ Контингентность (contingency) — случайность, непредвиденность. — Прим. пер.

(как в классическом дарвинизме), но и к приспособленности их близких родственников. Сам Дарвин заигрывал с идеей группового отбора, но не мог объяснить, как этот отбор работает. Неодарвинистский синтез 1960-х годов объяснил его с помощью теории «родственного отбора». Индивидуум может не заботиться о своем выживании и воспроизводстве, если он обеспечивает выживание и воспроизводство своей родственной группы. Гены могут передаваться как путем наследования, так и с помощью «непотизма» — механизма защиты родственников. Непотистские склонности могут легко закрепляться в генотипе, даже если (особенно если!) они приводят к тому, что индивидуум жертвует собой ради своего рода. Эта теория, казалось, решает старую проблему эволюции альтруизма и позволяет осмыслить с дарвинистских позиций эволюцию социального поведения. Одним из типов социального поведения, который получил освещение в новом синтезе, была война. Теперь стало легко объяснить, как война могла систематически уничтожать лучших и при этом оставаться евгеническим фактором. Молодые люди, погибавшие на войне, увеличивали шансы на выживание своей родственной группы.

Теперь ряд старых концепций о функциях войны встал на свое место. В 1970-е годы появилось новое направление в биологии, попытавшееся применить неодарвинистскую теорию к социальному поведению животных (в том числе человека). Это направление можно было бы окрестить нео-социал-дарвинизмом, но его создатели предпочли дистанцироваться от своих социал-дарвинистских предшественников, в основном рассматривавшихся тогда как агенты реакции, и выбрали более дипломатичный термин «социобиология», ставший популярным благодаря Эдварду Уилсону. В книге Уилсона «Социобиология» (Wilson* 1975) всего несколько заключительных страниц отведено эволюции собственно человека (как и в дарвиновском «Происхождении видов»), но эти страницы вызвали бурю дискуссий, почти сопоставимую с той, которая последовала за высказываниями Дарвина. Уилсон быстро отреагировал на нее книгой «О человеческой природе» (Wilson* 1978) — своим эквивалентом дарвиновского «Происхождения человека». В обеих работах эволюционная проблема истоков и функций войны выросла до громадных размеров. Коротко говоря, Уилсон объединил две старые концепции о функциях войны — внутреннюю гражданскую функцию и внешнюю

функцию баланса сил — и попытался объяснить их в терминах родственного отбора, что привело к слиянию этих частных функций в эволюционную функцию высшего порядка. Это было равносильно подлинному и всеохватывающему возрождению социал-дарвинизма (хотя Уилсон и избегал таких сравнений), фактически это был первый настоящий социал-дарвинизм, так как его викторианского предшественника точнее было бы именовать разновидностью социал-ламаркизма.

Гражданская функция войны, названная социал-дарвинистами «этноцентричностью», заняла центральное место в системе Уилсона. Он утверждал, что любая человеческая группа обладает естественной тенденцией спланироваться перед лицом чужаков и демонстрировать к ним свою враждебность, укрепляя таким образом солидарность членов группы и выводя агрессию за ее пределы; и что у этой этноцентричной, ксенофобской тенденции есть генетическая основа, которая развивается посредством родственного отбора.

Итак, мы пришли к выводу, что человеческая агрессия не может быть истолкована как демоническая скверна или как звериный инстинкт. Не является она и патологическим симптомом воспитания в жестокой среде. Человеческие существа в высшей степени предрасположены с безрассудной ненавистью отвечать на внешние угрозы и наращивать свою враждебность до тех пор, пока источники этой угрозы не будут нейтрализованы и не будет обеспечена достаточно высокая безопасность. Наш мозг, по-видимому, запрограммирован следующим образом: у нас есть врожденная склонность делить других людей на друзей и врагов в том же самом смысле, в каком у птиц есть врожденная склонность разучивать территориальные песни и определять путь по полярным созвездиям. Мы склонны глубоко опасаться действий чужаков и решать конфликты с помощью агрессии. Эти усвоенные правила, скорее всего, выработались за сотни тысяч лет человеческой эволюции и, таким образом, предоставили биологическое преимущество тем, кто соблюдает их наиболее последовательно (Wilson 1978: 119).

Уилсоновский синтез придал дополнительный вес охотничьей гипотезе, поскольку теперь не было нужды связывать охотничье поведение с каким-то невинным «инстинктом убийцы». Охота и война предстали как результат скорее внутригруппового согласия, чем межгрупповой неприязни, так как спо-

собствовали укреплению мужской дружбы, агрессивного мужского лидерства и социальной сплоченности.

Но Уилсон и его последователи также подчеркивали и внешние функции войны. Подобно Гоббсу, они утверждали, что семена войны наличествуют в самой человеческой природе, но получают развитие под влиянием определенных факторов, особенно борьбы за ресурсы и потребности в безопасности. Ричард Александр (Alexander* 1979) назвал эту внешнюю функцию «балансом сил», используя фразу, обычно применяющуюся для характеристики современных международных отношений, и предположив тем самым, что давно известная макиавеллистская игра под названием «реальная политика» (*Realpolitik*) имеет глубокие корни в человеческой природе. Александр утверждал, что у войны наверняка был долгий период преадаптации: сначала гоминиды образовывали небольшие группы для защиты себя от хищников; потом постепенно начали переходить к охоте на крупную дичь; затем в какой-то момент главной организационной задачей стала защита от других групп гоминидов. На последней стадии эскалация войны стала необходимым условием для обеспечения безопасности, запустив тем самым бесконечную цепную реакцию поддержания «баланса сил». Александр возродил спенсеровскую идею о том, что именно с учетом войны становится понятным, почему большие группы обладают преимуществом, а люди во все века стремятся увеличить размер своей группы.

Таким образом, школа социобиологии впитала в себя все более ранние версии гоббсианства со многими новыми нюансами. Социобиологи отрицали фрейдистско-лоренцовскую идею о едином инстинкте агрессии. Даже более, чем этологи, они подчеркивали человеческие, а не животные качества войны. Этноцентрическая модель недвусмысленно требовала наличия некоторых когнитивных способностей, достаточных для того, чтобы отличить «нас» от «них»: чтобы задуматься о важности Другого и решить избавиться от Него. Социобиологи подчеркивали коллективные аспекты войны. Перефразируя Клаузевица, они стремились рассматривать войну как продолжение родства другими средствами. Герберт Спенсер считал войну эволюционной стратегией, уместной лишь на эгоистической стадии развития человечества, которая устаревает по мере того, как мы движемся к альтруизму; социобиологи же считали войну успешной эволюционной страте-

гией как раз потому, что она всегда была высшим выражением альтруизма.

В быстро множившейся литературе по социобиологии были предложены различные ее варианты²⁹. Была «жесткая» социобиология, которая без колебаний утверждала причинность генетического отбора в терминах, напоминавших о генетическом детерминизме, как если бы (используя одну из любимых социобиологами компьютерных метафор) в человеческом сознании существовало аппаратное оборудование (*hardware*), задающее условия для деятельности программного обеспечения (*software*). Гораздо популярнее была «мягкая» социобиология Уилсона и Александра, которые предпочитали говорить, что у генотипа есть лишь вероятностное значение, определяющее границы эволюции культуры и «подталкивающее» ее развертывание в том или ином направлении. «Мягкие» социобиологи понимали, что различия между культурами в большинстве случаев — это результат культурного, а не естественного отбора. Они считали, что война утратила свою адаптивную функцию. Тем не менее даже «мягкие» социобиологи полагали, что общекультурные практики в целом адаптивны в дарвиновском смысле, и что война также в течение долгого времени носила адаптивный характер. Уилсон предположил, что война могла сохранять эту адаптивную функцию и в историческое время:

Согласно данной теории, геноцид или поглощение генов с большой пользой для агрессора должны происходить лишь один раз в несколько поколений, чтобы задавать направление эволюции. Только так можно поддерживать высокую частоту генов истинного альтруизма в группе <...> Смена племен и вождеств, оцененная по атласам ранней истории Европы и Ближнего Востока (см.: *The Penguin Atlas of Ancient History*. Baltimore, 1967), демонстрирует величину различной групповой приспособленности, достаточную для достижения этого эффекта (Wilson 1975: 573—574).

²⁹ Эта литература настолько велика, что здесь невозможно перечислить даже основных ее представителей. Ключевые работы в русле «мягкой» социобиологии принадлежат Уилсону и Александру, а образцом «жесткой» социобиологии можно считать Дэвида Бэрэша: (Barash 1979). Следующие сборники статей дают некоторое общее представление о социобиологической литературе: (Caplan 1978; Montagu 1980; Barlow, Silverberg 1980; Maxwell 1991); а также сборник под редакцией Ван дер Деннена и Фалджера (см. выше, прим. 4), который особенно значим для нашей темы.

Уилсоновский синтез немедленно вызвал бурю протестов. Несмотря на то, что социобиологи отклоняли обвинения в политической подоплеке своих исследований и в детерминизме, многие левые интеллектуалы пришли к выводу, что социобиология возрождает все реакционные тенденции социалдарвинизма. Чтобы как-то объяснить факт широкого распространения войн, некоторые ее критики прибегали к руссоистскому благочестию: войны порождаются государствами, а не народами; а если существовала первобытная, догосударственная война, то она была безобидным институтом, а не настоящей войной³⁰. Эта дискуссия о «природе/воспитании» достигла своего апогея в 1978 г. во время заседания Американской ассоциации содействия развитию науки, когда протестующие, члены Международного комитета против расизма, бросили графин с водой в выступающего — Эдварда Уилсона, скандируя: «Уилсон, ты обмочился!»³¹. Многие известные ученые, такие как, например, коллега Уилсона по Гарварду Стивен Джей Гулд, с самого начала развернули широкую критику наиболее претенциозных заявлений социобиологии, не имеющую ничего общего с этими выходками. Дискуссия далека от завершения, но складывается впечатление, что победа в ней будет не за социобиологией. Аргументы социобиологов убеждают далеко не всех биологов и отнюдь не большинство социальных антро-

пологов (Lieberman 1989: 676—682). Социобиология не впитала в себя социальные науки, не говоря уже об истории, и кажется, что они сумеют избежать ее «империалистического диктата».

Два возражения против тезиса социобиологии выглядят особенно убедительными. Во-первых, Уилсон и его последователи не смогли полностью объяснить элемент исторической случайности в эволюции. Уилсон признавал этот фактор:

Культурная эволюция агрессии, по-видимому, направляется тремя следующими совокупно действующими силами: (1) генетической предрасположенностью к усвоению некоторой формы коллективной агрессии; (2) потребностями и вызовами среды, в которой находится общество; и (3) предыдущей историей группы, которая подталкивает ее к принятию одного культурного новшества и отвержению другого (Wilson 1978: 114).

Многие критики считали, что ему следовало бы выделить большую сферу действия для третьего фактора. Последние биологические открытия свидетельствуют о большей роли элемента случайности в эволюционном процессе, чем об этом думали ранее, — как в анатомии, так и в поведении. По словам Стивена Джея Гулда,

стандартное неверное применение эволюционной теории предполагает, что биологическое объяснение сродни придумыванию историй, — часто спекулятивных и гадательных на практике, об адаптивной ценности некоего признака в его исходном окружении (например, человеческая агрессия хорошо годится для охоты, музыка и религия — для поддержания племенной сплоченности). Сам Дарвин решительно подчеркивал многофакторную природу эволюционных изменений <...> Одного естественного отбора недостаточно для их объяснения <...> здесь действуют многие другие причины, в особенности на тех уровнях биологической организации, которые находятся над и под традиционным дарвиновским объектом рассмотрения — организмами и их борьбой за репродуктивный успех³².

³⁰ «Именно сторонники редукционистской программы социобиологии пытаются представить организованную политическую агрессию как коллективную манифестацию агрессивных чувств индивидуумов <...> Однако войны между государственными обществами имеют мало общего с “низовыми” чувствами агрессии. Война — это рассчитанный политический ход, предпринимаемый по приказу власть имущих и направленный на достижение их политических и экономических целей» (Lewontin, Rose, Kamin 1984: 250—251). «Значительная часть социобиологической литературы отмечена таким подходом к человеческому поведению, который легко может быть использован для подкрепления вредных взглядов» (Kitcher 1985). Утверждение, что доводы, не совпадающие с идеологией автора («вредные взгляды»), должны оцениваться по каким-то другим стандартам приведения доказательств, выглядит спорным с философской точки зрения; в любом случае мнение о том, что дарвиновские аргументы всегда были социально реакционными, исторически спорно.

³¹ *Wilson, you're all wet!* Игра слов: выражение *all wet* означает и «быть мокрым», и «крупно ошибиться». По-русски предпочтительным кажется вариант «обмочиться», соединяющий в себе оба значения. — *Прим. пер.* Этот инцидент описан в автобиографии Уилсона: (Wilson 1994: 349).

³² См.: (Gould 1994: 85), где представлено обобщенное изложение точки зрения, отстаиваемой Гулдом во многих других его работах. См. также полезные обзоры современной эволюционной теории: (Russell 1993; Depew 1995).

Гулд предполагает, что биологи вообще и социобиологи в частности склонны считать практики адаптивными просто потому, что они существуют долгое время, и объяснять их историями типа кипплинговских сказок³³, чтобы придать этим практикам вид адаптивности и функциональности.

Во-вторых, эволюция войн поднимает особый вопрос, который можно назвать вопросом о границах. Совокупная приспособленность действует только внутри небольшой группы близкородственных организмов. Однако война, согласно теории баланса сил, автоматически заставляет группы увеличиваться в размере. Следовательно, война должна быстро породить группы такого размера, при котором совокупная приспособленность не может более сохраняться. Социобиологи осознают эту трудность и выходят из нее, предполагая, что война способствует сохранению совокупной приспособленности лишь в небольших «нуклеарных этнических группах»³⁴. Когда такие группы достигают определенного размера, культура перехватывает эстафету у биологии. Исходная непотистская система родства превращается в систему *реципрокного* альтруизма, в которой индивидуум выгодно взаимодействует с обществом в целом, а не только со своим биологическим родом. Культура проделывает это с легкостью, поскольку действует генетическую предрасположенность к этноцентризму и обращает исходную и врожденную групповую идентификацию в благоприобретенный антропоморфный символ. Термины «альтруизм» и «непотизм», используемые биологами только как метафоры, возвращают себе свое обычное значение. Это выглядит довольно правдоподобно, но правда также и то, что наиболее примитивные человеческие группы, известные нам, ведут бродячий образ жизни, именуемый «расщепление и слияние»: это бродячие маленькие открытые группы, которые постоянно разделяются и сливаются друг с другом; при таком процессе трудно сказать, что собой представляет «нуклеарная этническая группа» и кто пользуется выгодами от совокупной приспособленности.

³³ В оригинале “*Just So “stories*” — отсылка к названию книги сказок Р.Д. Кипплинга, опубликованной в 1902 («*Just So Stories*»). В англоязычной научной литературе ее название превратилось в уничижительное обозначение недоказуемых нарративных объяснений чего-либо. — *Прим. пер.*

³⁴ См. особенно: (Shaw, Yuwa Wong 1989).

Третье возражение против социобиологической высшей функции состоит в том, что она кажется излишней, так как у нее есть более простая альтернатива. Но перед тем, как перейти к этой альтернативе, позвольте рассмотреть конкурирующий вариант «великофункционализма»³⁵, который появился в последние десятилетия.

(b) Тезис экологии

В 1970-е годы, когда внимание общественности было приковано к социобиологии, культурные антропологи без лишнего шума разрабатывали собственную «великофункционалистскую» теорию войны, часто называемую культурной экологией³⁶. Марвин Харрис, — вероятно, наиболее известный представитель этого направления. Коротко говоря, он и его коллеги предполагают, что первобытная война представляет собой механизм перераспределения населения: она корректирует экологические дисбалансы, рассеивая население по обширной территории, уменьшая тем самым нагрузку на землю и в то же время создавая буферные зоны, служащие охотничьими заповедниками. Некоторые идут дальше, предполагая, что война не только перераспределяет население, но и способствует его сокращению — причем не путем убийства юношей (чья плодовитость в полигинном обществе демографически почти не имеет значения), а путем убийства новорожденных девочек. Они утверждают, что милитаристские общества предпочитают воспитывать воинов и, следовательно, имеют высокий уровень убийств новорожденных девочек (Divalle, Harris 1976: 521—538)³⁷.

³⁵ То есть теории о «высших функциях» войны. — *Прим. пер.*

³⁶ Антропологические исследования войн, ранее находившиеся на периферии науки, в последние тридцать лет стали весьма многочисленны, о чем свидетельствуют заглавия работ, перечисленных в кн.: (Ferguson, Farragher 1988). И хотя среди них все еще нет сводных трудов, сравнимых с прежними работами Дэйви, Райта и Тарни-Хая, следующие сборники статей могут дать представление о спектре современных исследований: (Bohannon 1967; Fried, Harris, Murphy 1968; Nettleship, Nettleship, Givens 1975; Givens, Nettleship 1976; Farrar 1978; Falk, Kim 1980; Ferguson 1984a; Turner, Pitt 1989; Haas 1990; Hinde 1991). См. также доклад Брюса Бауэра на съезде Американской антропологической ассоциации в 1989 г.: (Bower 1991: 88—89, 91). О культурной экологии см.: (Rappaport 1968; Harris 1972: 18—20; Harris 1974; Harris 1977; Harris 1989; Vayda 1976; Ferguson 1984b: 1—81, Ferguson 1990: 26—55).

³⁷ См. обсуждение в *American Anthropologist* 80 (1978): 665—673.

Материалистические положения культурных экологов отчасти напоминают марксизм, хотя они сами обычно отвергают такое сравнение. Их материализм, более обязанный археологии, чем Марксу, — не диалектический: они не утверждают, что эволюция движется в каком-то предсказуемом направлении. Более тесно они связаны с культурными детерминистами, долгое время господствовавшими в американской антропологии. Их, вероятно, можно охарактеризовать как культурных детерминистов, стремящихся восстановить эволюционную перспективу, по большей части выпавшую из поля зрения антропологии на рубеже веков. Они рассматривают культуру как модель поведения, эволюция которой формируется процессами адаптации к внешней среде, и поддерживают идею эволюционной высшей функции, ранее ассоциировавшуюся скорее с биологическим, чем с культурным детерминизмом. Подобно социал-дарвинистам и социобиологам, они утверждают, что война — важный инструмент эволюции, но имеют в виду культурную, а не биологическую эволюцию: отбор норм и практик, а не генов. Слепая сила, именуемая культурой, хаотически перебирает различные варианты человеческих норм и практик, так же как слепая сила природы, по дарвиновской теории, перебирает генетические вариации. Они предполагают, что войну можно сравнить с агонистическим территориальным поведением, наблюдаемым у некоторых видов животных, которое, по-видимому, поддерживает оптимальное распределение вида на местности, и считают, что этим может объясняться распространение *Homo sapiens* по всему земному шару уже в эпоху палеолита.

Культурную экологию можно также охарактеризовать как новую версию руссоизма. Уже антропологи согласились с тем, что первобытная война не является «настоящей» войной. Экологи пошли дальше и объявили первобытную войну полезным институтом, причем не только для человечества, но и для природы в целом. Возник пацифистский эволюционизм, ставящий во главу угла не выживание наиболее приспособленного, а поддержание равновесия, и рассматривающий в качестве главной ценности не прогресс, а стабильность. Эта теория позволяет признавать универсальный характер войны без одобрения современных войн, поскольку современная война не выполняет никаких полезных экологических функций и выглядит совершенно дисфункциональной. Тезис экологии стал господствующей парадигмой объяснения пер-

вобытной войны среди культурных антропологов в последние двадцать пять лет. Впрочем, далеко не все антропологи приняли его, было много обоснованной критики. Особенно убедительными выглядят следующие возражения.

Против экофункционализма могут быть выдвинуты те же самые возражения, что и против социобиологии³⁸. Их адепты стремятся преуменьшить элемент исторической случайности в эволюции и игнорируют вопрос о границах. Бессмысленно говорить о «функциях» до тех пор, пока не будет ясно, для кого и для чего они функционируют. И экологические, и социобиологические функционалисты пишут об «обществах» так, будто размер последних может быть четко определен. Но на деле границы между первобытными группами очень нечеткие. Война всегда кому-то выгодна, поэтому, изменяя фокус наблюдения, легко утверждать, что война благотворна для общества.

Культурная экология также затронула несколько специальных проблем. Например, старую проблему, связанную с фундаментальной предпосылкой культурного детерминизма, наследницей которого она является. Экологи овецивают культуру столь же абсолютно, как и Маргарет Мид, говоря о ней как о независимой переменной, как о чем-то в некотором смысле сверхматериальном. Кроме того, они, по-видимому, овецивают экологию. Они говорят, что у экосистем есть «потребности». Они говорят об эволюционных силах, дергающих за нитки с марионетками (то есть с воинами, которые думают, что они сражаются за свиней, честь или что-нибудь еще), но лишенных обратной связи с этими марионетками. Основная теоретическая проблема здесь серьезнее, чем в случае с социобиологией, поскольку существует общепринятая дарвиновская теория, делающая социобиологию как минимум теоретически допустимой; за культурным детерминизмом нет никакой аналогичной теории, да и трудно себе представить, каким образом экосистемы выражают свои потребности и как культуры отвечают на них. Легко предположить, как первобытная война может порой иметь полезные *последствия* для окружающей среды, но неясно, насколько они необ-

³⁸ Полезную критику «великофункционализма» можно найти в статье К. Р. Холпайка: (Hallpike 1973: 451—470) (откуда я позаимствовал выражение «вопрос о границах»), и в статье К. А. Робарчека: (Robarchek 1989: 903—920). — *Прим. пер.*

ходимы, чтобы стать *причиной* первобытной войны.

Наконец, каким образом война может быть *всегда* полезной для окружающей среды? Все признают, что война — это саморазрастающийся процесс³⁹. Следовательно, если она однажды началась, то будет по инерции продолжаться до тех пор, пока численность населения не упадет значительно ниже уровня потенциальной емкости территории. Выживание самого биологически приспособленного — это одно; согласиться с выживанием самого экологически сбалансированного гораздо труднее. Принято считать, что имеющиеся скудные данные не подтверждают эту гипотезу: не наблюдается четкой корреляции между войнами и перенаселенностью тех ареалов первобытных культур, которые исследовались (Vayda 1976: 38ff).

(с) Возможное решение: культурный дарвинизм

Ни одна из двух «великофункционалистских» теорий не содержит по-настоящему убедительных аргументов. Но обе они привлекли внимание к тому факту, что процессы культурной эволюции удивительным образом напоминают процессы эволюции биологической.

Некоторые недавние достижения в антропологической теории, вероятно, смогут помочь в объяснении этого феномена. Среди культурных антропологов (за исключением описанной выше материалистической школы) крепнет убеждение в идеативном (*ideational*)⁴⁰ характере культуры⁴¹. Она описывается в первую очередь как система общественного символизма или совокупность накопленных знаний, отличная от социального поведения. Это определение точнее, чем старые понятия культуры, в которых не проводилось четкой разграничительной линии между идеями и поведением, и может облегчить разработку моделей культурной эволюции, отличной от биологической. Оно также свободно от тенденций

смутного овеществления культуры, переполняющих старую антропологическую литературу. Согласно новому общему убеждению, культура в самом деле автономна, но это такой автономный информационный код, который находится в постоянной обратной связи с индивидуумами, непрерывно перепрограммирующими его.

Теория культурной эволюции все еще не нашла своего Дарвина. Эволюционная антропология находится примерно там, где была эволюционная биология до появления «Происхождения видов». Однако многие антропологи сегодня прилагают дарвиновские термины и концепции к чисто культурным изменениям без всякой социобиологической подоплеки. Кажется очевидным, что существует система культурного отбора, который имитирует естественный отбор (но лишь в скоротечной лamarкистской манере, с участием, в основном, разумных и сознательных субъектов). Почему индивидуумы постоянно изменяют этот общественный код? Несомненно, во многом для увеличения того, что биологи называют совокупной приспособленностью.

Все социобиологи признают, что человеческое общество развивается с использованием дуальной системы наследственности, в которой гены и культура взаимодействуют. Но если культурная наследственность делает то же самое, что и генетическая, то зачем вообще нужно привлекать гены? Если под словом «генетический» мы понимаем «являющийся результатом генетической изменчивости», тогда вся культура имеет генетическую основу, поскольку человеческая способность к культуре сама по себе есть результат естественного отбора. Именно естественный отбор заставил культурный отбор следовать своей модели. Но это значит, что на каком-то этапе культура перехватывает эстафету. Как заметил Айбл-Айбесфельдт, «биологическое развитие и культурное развитие подчиняются одним и тем же функциональным законам, и <...> таким образом, культурная эволюция в известной мере повторяет биологическую эволюцию на более высоком уровне эволюционной спирали»⁴².

³⁹ Имеется в виду, что, если какое-либо первобытное племя становится воинственным, его соседи, скорее всего, начнут подражать ему. Они могут и не хотеть этого, но требования самосохранения заставят их. Следуя той же логике, цивилизованное бюрократическое государство, вероятно, втянется в гонку вооружений, если все его соседи уже втянулись в нее (пояснение в email Д. Дюсона от 08.02.2021). — Прим. пер.

⁴⁰ То есть воображаемом, связанном с образованием идей. — Прим. пер.

⁴¹ См. выше, прим. 19.

⁴² Образцы культурно-дарвинистского подхода: (Young 1975: 199—207; Eibl-Eibesfeldt 1979; Richerson, Boyd 1985; Durham 1991). (Немецкое издание книги (Eibl-Eibesfeldt 1979) появилось в 1975 г., одновременно с уилсоновской «Социобиологией», но привлекло к себе гораздо меньше внимания. Цит. по: (Eibl-Eibesfeldt 1979: 5). — Прим. пер.)

Фактически «мягкие» социобиологи признают, что на более высоких уровнях спирали «воспитание» в основном освобождается от «природы», но при этом считают, что «природа» все еще держит его на поводке: естественный отбор продолжает воздействовать на культурный отбор с целью максимизации совокупной приспособленности. Однако они, по-видимому, не учитывают огромной скорости культурной эволюции, которая должна облегчить бегство от хозяина. Насколько длинен этот поводок? Поводок длиной в сотню миль перестает быть поводком с практической точки зрения.

Эти соображения делают необязательной и маловероятной генетическую основу частных культурных адаптаций, лишая проблему ее значимости. Остается вероятность, что в человеческой природе существует некоторая наследственная тенденция к этноцентризму, внутригрупповой солидарности и межгрупповой вражде. Но и в этом случае она легко поддается контролю и манипуляциям. Она не приговаривает нас ни к войне, ни к миру до тех пор, пока мы сами не решим двигаться в одном из этих направлений.

Эту теорию я назвал «культурным дарвинизмом». Ее также именуют «эволюционной антропологией», «биокультурной антропологией», «дарвинистской культурной теорией», «новой социобиологией»⁴³. Она утверждает, что главное средство культурной эволюции — быстродействующая, коллективная, подчас рациональная и просчитанная диффузия норм и ценностей в целях повышения совокупной приспособленности. Эта теория не предполагает, что все культурные изменения адаптивны в дарвиновском смысле. Масса изменений имеет чисто случайный характер и аналогична дрейфу генов и генетической мутации. Значительная часть изменений, особенно в сложных обществах, принудительно навязывается властью преобладающими и неадекватна с точки зрения большинства популяции. Нередко это результат культурной инерции, стойкая приверженность к практикам, которые некогда были удачными адаптациями, но теперь перестали быть таковыми. В любом случае, долгое время культура наверняка отвечала коллективным интересам индивидуумов, действовавших более или менее сознательно.

Короче говоря, человеческое поведение — это не «природа» и не «воспитание», чаще

всего оно есть «воспитание», имитирующее «природу».

В случае с таким устойчивым явлением, как война, следует предположить, что такая поведенческая модель когда-то в целом была адаптивной. Но почему была избрана именно она? Здесь мы снова возвращаемся к спору о материальных и «социальных» мотивах. Ради чего воюют первобытные народы: ради наживы или ради славы?

Некоторые антропологи, среди них И. Айбл-Айбесфельдт и У. Дарем, считают, что главным мотивом первобытной войны выступает соперничество за продовольственные ресурсы. Дарем утверждал, что мундуруку (охотники за головами в Бразилии), хотя и отрицают, что воюют за землю, и считают себя воюющими с целью собирания голов (то есть ради чести и славы), на деле вступают в войны, чтобы устранить соперников в борьбе за основной продовольственный ресурс — свиней пекари. С его точки зрения, этот мотив носит частично осознанный характер: мундуруку выражают его символически, на языке понятных им образов, говоря, что воин, добывший головы врагов, ублажает духа пекари. Дарем предполагает, иначе говоря, что первобытная война может иметь ближайшие материальные и экологические функции, сознательно осуществляемые воинами, но не ту высшую функцию, о которой говорили некоторые культурные экологи (*Durham* 1976: 385—415; *Durham* 1991). Наполеон Шаньон, с другой стороны, утверждает, что главный мотив — это репродуктивный успех: среди индейцев яномамо в Венесуэле, которых он долгое время изучал, успешные воины стремятся иметь большее потомство и завязать более широкие родственные связи (*Chagnon*, *Irons* 1979; *Chagnon* 1988: 985—992).

Эти интерпретации, по-видимому, можно объединить. Агрессия обеспечивает доступ к ресурсам (самым разным), и наиболее востребованный ресурс зависит от обстоятельств. Гоббс считал, что люди воюют, чтобы «сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота» (*Гоббс** 2001: 87) — здесь обладание важнее того, чем обладаешь. Одним из самых ценных открытий, сделанных новой антропологией войны, стало понимание масштабов, которых может достигнуть первобытная война, разворачиваясь по многофазовой модели: она начинается как ритуальная дуэль с немногими жертвами и, если не примирить враждующие стороны, постепенно разрастается до более серьезных боев с применением холодного оружия, а подчас — до крова-

⁴³ См. дискуссию о названиях в кн.: (*Durham* 1991: 21).

вых набегов и засад. Мотивы могут меняться от одной стадии к другой. Стандартные ближайшие мотивы описаны Адамом Фергюсоном — честь и слава. Но, вероятно, всегда присутствует осознанная возможность получения материальных ресурсов. Вероятно, не следует четко разделять эти материальные ресурсы на еду и женщин или строго вычленять территориальные и нетерриториальные войны. На территории могут быть и еда, и женщины, и большинство первобытных народов, по-видимому, воюет не столько ради захвата или защиты территории, сколько ради ослабления конкуренции. Их группы можно рассматривать как адаптивные механизмы, в случае опасности способствующие сохранению идентичности, средств существования, потомства и групповой морали. Солидарность первобытной группы и ритуализация ее моделей войны не позволяют четко разделять эти интересы.

Новый подход подтверждает и Гоббс, и Руссо. Первобытное состояние действительно было состоянием войны. Человеческие общества были склонны к соперничеству и вражде, поскольку культурный отбор способствовал распространению этих тенденций. Но Руссо был прав, подчеркивая разрыв между этим типом соперничества и «настоящими» войнами государственной эпохи. Любая общая теория истоков и функций войны должна учитывать как универсальность войн, так и их пластичность, способность к трансформации; эта теория не должна сковываться понятиями старой дискуссии о «природе/воспитании».

Культурный дарвинизм, признающий, что культуры развиваются с помощью адаптации, представляет собой, быть может, наиболее плодотворную на сегодняшний день исследовательскую программу по изучению истоков войны. Здесь не место, конечно, для разработки такой теории⁴⁴. Но некоторые замечания по проблеме сделать можно.

(d) Эволюция войн

Мы знаем о доисторических войнах, особенно об их распространенности, гораздо меньше, чем можно подумать, читая многочисленные работы по военной истории, оставляющие впечатление, что первобытные племена почти постоянно находятся в состоянии войны. На самом деле мы практически ничего

не знаем об обычаях войны у огромного большинства первобытных народов даже в сравнительно поздние эпохи (*Van der Dennen* 1990b).

Некоторые соображения удерживают нас от предположения, что ранние палеолитические войны были очень распространенным или очень серьезным явлением: этому препятствовали ничтожные людские резервы (позднейшие группы охотников/собирателей насчитывают в среднем 40 человек), нередкие, видимо, межгрупповые браки, расщепления и слияния групп, и, главное, низкая плотность населения. Все теории первобытной войны согласны в том, что вне зависимости от того, является ли война «врожденным» феноменом или нет, первоначальный толчок ей дает конкуренция. Войны могли способствовать широкому распространению раннепалеолитического человечества, но в то же время они, вероятно, ограничивали возможности эффективной конкуренции.

Когда начинается разрастание войн? Возможно, точкой отсчета следует считать возникновение верхнепалеолитической охотничьей культуры около 35 тысяч лет назад, которое сейчас рассматривается как прорыв в социальной эволюции, быть может, столь же значительный, как и более известная неолитическая революция⁴⁵. К этому моменту человек современного типа (*Homo sapiens sapiens*) занял всю территорию Африки и Евразии и вскоре заселил Австралию и Америку. Он был вооружен грозными копьями с каменными наконечниками, охотился на крупную дичь и мог при желании охотиться на людей. Часто у него не оставалось выбора, поскольку группы первобытных людей уже не могли с прежней легкостью покидать соседей и уходить на новое место. Увеличение плотности населения приводило к росту территориальности, созданию полупостоянных поселений и развитию навыков хранения продовольствия, к созданию охраняемых резервов. Вероятно, именно в эту эпоху первобытная война и первобытный милитаризм стали общими чертами человеческого общества.

Вторым поворотным пунктом, несомненно, стал подъем неолитической культуры, начавшийся на Ближнем Востоке около 10 тысяч лет назад: возникли постоянные поселения, основанные на сельском хозяйстве, в которых были сконцентрированы запасы продовольствия, привлекавшие к себе граби-

⁴⁴ Такая попытка предпринята в моей книге: (*Dawson* 1996).

⁴⁵ Общая проблема эволюции сложных культур рассмотрена в кн.: (*Price, Brown* 1985).

телей, а плотность населения по сравнению с палеолитом увеличилась во много раз. Рост населения должен был усилить конкуренцию, одновременно сделав людские ресурсы более доступными. Археологические свидетельства не оставляют сомнения в том, что войны, нередко с многочисленными жертвами, были обычным явлением среди неолитических обществ по всему миру.

Вероятно, в верхнепалеолитическую или неолитическую эпоху первобытная война интенсифицировалась настолько, что достигла уровня постоянного баланса сил, или гоббсовского состояния войны, став самовозобновляющимся и саморазрастающимся процессом. Однако вплоть до начала периода государствообразования эскалационные тенденции носили, по-видимому, ограниченный характер. Если бы процесс эскалации был неотвратимым, каменный век не продолжался бы так долго, как он продолжался на самом деле, и процесс государствообразования не был бы столь длительным. Это связано с тем, что на протяжении неолитической эры возможности для миграций часто оставались открытыми, и общества могли избегать прессинга войн и милитаризма, переселяясь от нежелательных соседей. История первобытных войн, если ее вообще можно написать, имела бы, вероятно, циклический, а не линейный характер.

Поворот к политическим войнам исторической эпохи, вероятно, начался в позднелинитический период вместе с возникновением организованных вождеств или ранжированных обществ, способных к завоеваниям, но этот процесс не был неотвратимым вплоть до появления цивилизованных бюрократических государств около 5 тысяч лет назад. В этих ранних государствах и империях война все еще выполняла функцию укрепления солидарности, но теперь уже как инструмент защиты теократического монарха, а не всего общества; ее приоритеты изменились, поскольку теперь главными функциями стали экономические («нажива») и политические («безопасность»), а не социальные («слава») ⁴⁶. Политический баланс сил также не эволюционировал по какой-то одной линии. Подобно тому как племя могло порой добиться большого успеха в первобытной войне, так и государство мог-

ло иногда сделать то же самое, если ему выпадали такие возможности, как у Александра Великого или Эрнана Кортеса. Но историческая модель войны остается при этом неопределенной, беспорядочной, бесконечно циклической. Государства продолжают вести войны, поскольку механизмы баланса сил редко позволяют избежать их.

Если эти выводы верны, нам следует внести поправки в Севильскую декларацию. В ходе человеческой эволюции имел место отбор в пользу агрессивного поведения, но не биологический, а культурный и политический. Биология не приговаривает нас к войне, но, возможно, культура и политика способны сделать это (если им не помешать). Первобытные, догосударственные войны ⁴⁷ можно было ограничить путем отселения от агрессивного соседа. Представители первобытных народов могут утверждать, что они обязаны мстить за оскорбления, чтобы сохранить честь, но нередко отмечался избирательный и манипулятивный характер их воспоминаний об этих оскорблениях: они способны надолго «забыть» о запятнанной чести, а потом, когда сочтут нужным, «вспомнить» о ней. Политические войны могут быть ограничены с помощью дипломатии. Все теоретики *raison d'état* ⁴⁸, от Фукидида до Клаузевица, полагали, что полностью избавиться от войн нельзя; но *raison d'état* подразумевает, что государства должны руководствоваться разумом и могут контролировать войну в той степени, в которой, по их мнению, она отвечает их явным интересам.

Источники и материалы

- Свод нормативных актов ЮНЕСКО 1991: *Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО*. И. Д. Никулин (сост.). Москва: Международные отношения, 223—229.
- Севильское заявление 1993: Севильское заявление. *Курьер ЮНЕСКО*. 1993, №4, 40.
- U. S. News and World Report 1988: U.S. News and World Report (April 11, 1988), 57—58.

⁴⁷ В оригинале «wars of culture» («войны культуры») — т. е. войны, обусловленные культурным отбором агрессивного поведения (в отличие от «политических» войн) (пояснение Д. Доусона в email от 09.02.2021). — *Прим. пер.*

⁴⁶ В дополнение к работам, указанным выше в прим. 36, см.: (Cohen, Servise 1978; Haas 1982).

⁴⁸ Государственного интереса. — *Прим. пер.*

Литература

- Аристотель. 1983. Политика. Книга первая (А) III. 8. Сочинения (пер. С. А. Жебелева). Т. 4. Москва: Мысль.
- Бентам И. 2003. План всеобщего и вечного мира. 1786—1789 (пер. А. П. Шурбелева). *Трактаты о вечном мире* (сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга). Санкт-Петербург: Алетейя, 173—204.
- Гоббс Т. 2001. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Ч. I. Гл. XIII (пер. А. Гутермана). Москва: Мысль.
- Дарвин Ч. Р. 1953. Происхождение человека и половой отбор. *Сочинения*. Т. 5. Москва: АН СССР, 119—656.
- Джеймс У. 2015. Моральный эквивалент войны (пер. И. Д. Джохадзе). *История философии*. Т. 20. №1, 215—231.
- Дэйви М. 2009. *Эволюция войн* (пер. Л. А. Калашниковой). Москва: Центрполиграф.
- Кант И. 2003. К вечному миру. 1795 (пер. А. В. Гулыги). *Трактаты о вечном мире* (сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга). Санкт-Петербург: Алетейя, 205—241.
- Кропоткин П. А. 2007. *Взаимопомощь как фактор эволюции*. Москва: Самообразование.
- Лоренц К. 1994. *Агрессия* (пер. Г. Ф. Швейника). Москва: Прогресс.
- Мальтус Т. Р. 1868. *Опыт о законе народонаселения* (пер. П. А. Бибикова). Т. I, II. Санкт-Петербург: Тип. И. И. Глазунова.
- Монтескье Ш. Л. 1999. *О духе законов*. Кн. X. Гл. II—IV (сост., пер. и комм. А. В. Матешук). Москва: Мысль, 122—126.
- Новикова О. Э. 2005. *Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547—1606)*. Москва: Издат. центр РХТУ.
- Плутарх. 2008. О противоречиях стоиков. 1049—1049f. *Сочинения* (пер. Т. Г. Сидаша). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 176—179.
- Руссо Ж.-Ж. 1969. Об общественном договоре (первый набросок). *Трактаты* (пер. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова). Москва: Наука, 303—351.
- Руссо Ж.-Ж. 1969. Проект конституции для Корсики. *Трактаты* (пер. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова). Москва: Наука, 257—300.
- Руссо Ж.-Ж. 1969. Суждение о вечном мире. *Трактаты* (пер. А. Д. Хаютина). Москва: Наука, 142—150.
- Руссо Ж.-Ж. 2003. Суждение о вечном мире (пер. И. И. Кравченко). *Трактаты о вечном мире* (сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга). Санкт-Петербург: Алетейя, 162—172.
- Руссо Ж.-Ж. 2013. Начала права войны. *Политические сочинения* (пер. С. В. Занина). Санкт-Петербург: Росток, 240—256.
- Руссо Ж.-Ж. 2013. Рассуждение о политической экономии. *Политические сочинения* (пер. С. В. Занина). Санкт-Петербург: Росток, 40—78.
- Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше. *Политические сочинения* (пер. С. В. Занина). Санкт-Петербург: Росток, 497—588.
- Саллюстий Крисп Г. 1981. О заговоре Катилины. *Сочинения* (пер. и комм. В. О. Горенштейна). Москва: Наука, 7—11.
- Саллюстий Крисп Г. 1981. Югуртинская война. *Сочинения* (пер. и комм. В. О. Горенштейна). Москва: Наука, 64.
- Сен-Пьер Ш. И. де. 2003. Избранные места из проекта вечного мира. (В изложении Ж.-Ж. Руссо). 1760 (пер. И. И. Кравченко). *Трактаты о вечном мире* (сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга). Санкт-Петербург: Алетейя, 136—161.
- Спенсер Г. 1898. *Основания социологии*. Т. I. Санкт-Петербург: Издательство И. Д. Сытина.
- Спенсер Г. 1906. *Социальная статика. Изложение законов, обуславливающих счастье человечества*. Санкт-Петербург: В. Врублевский.
- Фергюсон А. 2000. *Опыт истории гражданского общества* (пер. И. И. Мюрберг; под ред. и с предисл. М. А. Абрамова). Москва: Росспэн.
- Фрейд З. 1992. Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну. *По ту сторону принципа удовольствия* (сост. и комм. А. А. Гугнина). Москва: Прогресс: Литера, 331—337.
- Фрейд З. 2005. *Тотем и табу* (пер. М. В. Вульфа). Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Фукидид. 1981. *История* (пер. и примеч. Г. А. Стратановского; отв. ред. Я. М. Боровский). Серия «Литературные памятники». Ленинград: Наука.
- Чернышов Ю. Г. 1994. *Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме*. Новосибирск: Новосибирский университет.
- Alexander R. 1979. *Darwinism and Human Affairs*. Seattle: Univ. of Washington Press.
- Ardrey R. 1961. *African Genesis*. New York: Delta/Dell.
- Ardrey R. 1966. *The Territorial Imperative*. New York: Atheneum Publishers.
- Bagehot W. 1872. *Physics and Politics*. London: Henry S. King & Co.
- Barash D. 1979. *The Whispering Within*. New York: Harper and Row.
- Barlow G. W., Silverberg J. (eds.). 1980. *Sociobiology, Beyond Nature/Nurture?* Boulder: Westview Press.
- Bohannon P. (ed.). 1967. *Law and Warfare: Studies in the Anthropology of Conflict*. New York: Natural History Press.
- Bower B. 1991. Gauging the Winds of War: Anthropologists Seek the Roots of Human Conflict. *Science News*. Vol. 139, №6 (February 9, 1991), 88—89, 91.
- Bramson L., Goethals G. W. (eds.). 1964. *War: Studies from Psychology, Sociology, Anthropology*. New York: Oldbourne Press.
- Caplan A. L. (ed.). 1978. *The Sociobiological Debate*. New York: Harper and Row.
- Cartmill M. 1994. *A View to a Death in the Morning: Hunting and Nature through History*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Ceadel M. 1987. *Thinking about Peace and War*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Chagnon N. 1988. Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population. *Science*. Vol. 239, 985—992.
- Chagnon N., Irons W. (eds.). 1979. *Evolutionary Biology and Human Social Behavior: An Anthropological Perspective*. North Scituate, Mass.: Duxbury Press.
- Cohen R., Service E. R. (eds.). 1978. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Cox R. 1960. *H. Locke on War and Peace*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Crook D. P. 1994. *Darwinism, War, and History: The Debate over the Biology of War from the “Origin of Species” to the First World War*. Cambridge, Eng.:

- Cambridge Univ. Press.
- Dart R. 1953. The Predatory Transition from Ape to Man. *International Anthropological and Linguistic Review*. Vol. 1, 201—219.
- Darwin C.R. 1874. *Descent of Man*. 2nd ed. London: John Murray.
- Davie M.R. 1929. *The Evolution of War: A Study of Its Role in Early Societies*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.
- Dawson D. 1992. *Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought*. New York: Oxford Univ. Press.
- Dawson D. 1996. The Origins of War: Biological and Anthropological Theories. *History and Theory*. Vol. 35, №1 (February, 1996), 1—28.
- Dawson D. 1996. *The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World*. Boulder: Westview Press.
- Degler C.N. 1991. *In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought*. New York: Oxford Univ. Press.
- Depew D.J. 1995. *Darwinism Evolving: Systems Dynamics and the Genealogy of Natural Selection*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Divale W.T., Harris M. 1976. Population, Warfare, and the Male Supremacist Complex. *American Anthropologist*. Vol. 78, 521—538.
- Durham W.H. 1991. *Coevolution: Genes, Culture, and Human Diversity*. Stanford: Stanford Univ. Press.
- Durham W.H. 1976. Resource Competition and Human Aggression. Part I: A Review of Primitive War. *Quarterly Review of Biology*. Vol. 51, 385—415.
- Eibl-Eibesfeldt I. 1979. *The Biology of Peace and War: Man, Animals, and Aggression* (transl. by Eric Mosbacher). New York: Thames & Hudson.
- Falk R.A., Kim S.S. (eds.). 1980. *The War System: An Interdisciplinary Approach*. Boulder: Westview Press.
- Farrar L.L. (ed.). 1978. *War: A Historical, Political, and Social Study*. Santa Barbara: ABC-Clio.
- Ferguson A. 1971. *Essay on the History of Civil Society*. New York: Garland Publishing (reprinted).
- Ferguson R.B. 1990. Explaining War. *The Anthropology of War* (Ed. by J. Haas). Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 26—55.
- Ferguson R.B. (ed.). 1984a. *Warfare, Culture, and Environment*. Orlando: Academic Press.
- Ferguson R.B. 1984b. Introduction: Studying War. *Warfare, Culture, and Environment* (Ed. by R.B. Ferguson). Orlando: Academic Press, 1—81.
- Ferguson R.B., Farragher L. (eds.). 1988. *The Anthropology of War: A Bibliography*. New York: H.F. Guggenheim Foundation.
- Freeman D. 1983. *Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Freud S. 1950. Why War? *Collected Papers*. Vol. 5 (Ed. by James Strachey). London: The Hogarth Press, 273—287.
- Fried M.H., Harris M., Murphy R.F. (eds.). 1968. *War: The Anthropology of Armed Conflict and Aggression*. Garden City, N.Y.: The Natural History Press.
- Gallie W.B. 1978. *Philosophers of Peace and War: Kant, Clausewitz, Marx, Engels, and Tolstoy*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Gat A. 1989. *Origins of Military Thought: From the Enlightenment to Clausewitz*. Oxford: Clarendon Press.
- Gay P. 1993. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. III: The Cultivation of Hatred*. New York: W.W. Norton & Co. Inc.
- Gay P. 1969. *The Enlightenment: An Interpretation*. 2 vols. New York: Alfred A. Knopf.
- Givens R.D., Nettleship M.A. (eds.). 1976. *Discussions on War and Human Aggression*. The Hague: Mouton Publishers.
- Gould S.J. 1994. The Evolution of Life on the Earth. *Scientific American*. Vol. 271, №4 (October, 1994), 84—91.
- Groebe J., Hinde R.A. (eds.). 1989. *Aggression and War: Their Biological and Social Bases*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Haas J. (ed.). 1990. *The Anthropology of War*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Haas J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia Univ. Press.
- Hallpike C.R. 1973. Functionalist Interpretations of Primitive Warfare. *Man*. Vol. 8, 451—470.
- Harris M. 1977. *Cannibals and Kings*. New York: Random House.
- Harris M. 1974. *Cows, Pigs, Wars, and Witches*. New York: Random House.
- Harris M. 1989. *Our Kind: Who We Are, Where We Came From, Where We Are Going*. New York: Harper and Row.
- Harris M. 1968. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York: Crowell.
- Harris M. 1972. Warfare Old and New. *Natural History*. Vol. 81, 18—20.
- Hemleben S.J. 1943. *Plans for World Peace through Six Centuries*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Hinde R.A. (ed.). 1991. *The Institution of War*. London: Macmillan.
- Hobbes T. 1958. *Leviathan or the Matter, Forme, and Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill* [1651]. Oxford: Clarendon Press.
- Hoffmann S., Fidler D.P. (eds.). 1991. *Rousseau on International Relations*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- James W. 1987. *Writings 1902—1910*. New York: The Library of America.
- Johnson L.M. 1993. *Thucydides, Hobbes, and the Interpretation of Realism*. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press.
- Keegan J. 1993. *A History of Warfare*. New York: Alfred A. Knopf.
- Keesing R.M. 1974. Theories of Culture. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 3, 73—97.
- Kingsley M.B. 1963. *French Liberal Thought in the Eighteenth Century: A Study of Political Ideas from Bayle to Condorset* (Ed. by J.P. Mayer). New York: Harper and Row.
- Kitcher P. 1985. *Vaulting Ambition: Sociobiology and the Quest for Human Nature*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Kuper A. 1973. *Anthropology and Anthropologists: The British School 1922—1972*. London: Pica Press.
- Lewontin R.C., Rose S.P.R., Kamin L.J. (eds.). 1984. *Not in Our Genes: Biology, Ideology and Human Nature*. New York: Pantheon Books.
- Lieberman L. 1989. A Discipline Divided: Acceptance of Human Sociobiological Concepts in Anthropology. *Current Anthropology*. Vol. 30, 676—682.
- Lipsius J. 1939. *Of Constance*. Transl. Sir John Stradling [1584] (Ed. by Rudolf Kirk). New Brunswick, N. J.: Rutgers Univ. Press.
- Lorenz K. 1966. *On Aggression* (transl. M.K. Wilson). New York: Harcourt, Brace, and World.
- Malinowski B. 1941. *An Anthropological Analysis of War*.

№6. 2024

- American Journal of Sociology*. Vol. 46, №4, 521—550.
- Maxwell M. (ed.). 1991. *The Sociobiological Imagination*. Albany: State Univ. of New York Press.
- Mead M. 1940. War is Only an Invention — Not a Biological Necessity. *Asia*. Vol. 40.
- Montagu A. (ed.). 1980. *Sociobiology Examined*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Montesquieu C. L. 1950—1961. *De l'esprit des loix* [1748]. Paris: Société Les Belles Lettres.
- Nettleship M.A., Nettleship A., Givens R.D. (eds.). 1975. *War, Its Causes and Correlates*. The Hague: Mouton Publishers.
- Ortner S.B. 1984. Theory in Anthropology since the Sixties. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 26, 126—166.
- Price T.D., Brown J.A. (eds.). 1985. *Prehistoric Hunter-Gatherers: The Emergence of Cultural Complexity*. Orlando: Academic Press.
- Rappaport R. 1968. *Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Richerson P.J., Boyd R. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Robarchek C.A. 1989. Primitive Warfare and the Ratomorphic Image of Mankind. *American Anthropologist*. Vol. 91, 903—920.
- Roosevelt G.G. 1990. *Reading Rousseau in the Nuclear Age*. Philadelphia: Temple Univ. Press.
- Russell R.J. 1993. *The Lemur's Legacy: The Evolution of Power, Sex, and Love*. New York: Tarcher/Putnam.
- Schneider J. 1950. Primitive Warfare: A Methodological Note. *American Sociological Review*. Vol. 15, 772—777.
- Shaw R.P., Yuwa Wong. 1989. *Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism and Patriotism*. Boston: Unwin Hyman.
- Slomp G. 1990. Hobbes, Thucydides, and the Three Greatest Things. *History of Political Thought*. Vol. 11, 565—586.
- Souleyman E.V. 1941. *The Vision of World Peace in Seventeenth and Eighteenth-Century France*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Spencer H. 1906. *Principles of Sociology*. 3rd ed. Vol. I. London: D. Appleton.
- Spencer H. 1851. *Social Statics*. London: John Chapman.
- Tiger L. 1969. *Men in Groups*. New York: Random House.
- Tiger L., Fox R. 1974. *The Imperial Animal*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Turner P.R., Pitt D. (eds.). 1989. *The Anthropology of War and Peace: Perspectives on the Nuclear Age*. South Hadley, Mass.: Bergin & Garvey.
- Turney-High H.H. 1971. *Primitive War: Its Practices and Concepts*. 2nd ed. Columbia, S.C.: Univ. of South Carolina Press.
- Van der Dennen J.M.G. 1990a. Origin and Evolution of 'Primitive' Warfare. *Sociobiology and Conflict: Evolutionary Perspectives on Competition, Cooperation, Violence and Warfare*. (Ed. by Van der Dennen and V. Falger). London: Chapman and Hall, 149—188.
- Van der Dennen J.M.G. 1990b. Primitive War and the Ethnological Inventory Project. *Sociobiology and Conflict: Evolutionary Perspectives on Competition, Cooperation, Violence and Warfare*. (Ed. by Van der Dennen and V. Falger). London: Chapman and Hall, 247—269.
- Vayda A.P. 1976. *War in Ecological Perspective: Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies*. New York: Plenum Press.
- Washburn S.L., Lancaster S.C. 1968. The Evolution of Hunting. *Man the Hunter*. (Ed. by R. B. Lee and Irvén De Vore). Chicago: Aldine Publishing Company, 293—304.
- Wilson E. 1994. *Naturalist*. Washington, D.C.: Island Press/Shearwater.
- Wilson E. 1978. *On Human Nature*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Wilson E. 1975. *Sociobiology: the New Synthesis*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Wright Q. 1965. *A Study of War*. 2nd ed. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Young C.W. 1975. An Evolutionary Theory of the Causes of War. *War, Its Causes and Correlates*. (Ed. by M. A. Nettleship, A. Nettleship, R. D. Givens). The Hague: Mouton Publishers, 199—207.

References

- Alexander, R. 1979. *Darwinism and Human Affairs*. Seattle: Univ. of Washington Press.
- Ardrey, R. 1961. *African Genesis*. New York: Delta/Dell.
- Ardrey, R. 1966. *The Territorial Imperative*. New York: Atheneum Publishers.
- Aristotle. 1983. *Politika* (Politics). Book I (A). III. 8. In *Sochineniya* (Works). Vol. 4. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Bagehot, W. 1872. *Physics and Politics*. London: Henry S. King & Co.
- Barash, D. 1979. *The Whispering Within*. New York: Harper and Row.
- Barlow, G.W., Silverberg, J. (eds.). 1980. *Sociobiology, Beyond Nature/Nurture?* Boulder: Westview Press.
- Bentham, J. 2003. Plan vseobshchego i vechnogo mira. 1786—1789 (Plan for a Universal and Perpetual Peace. 1786—1789). In *Traktaty o vechnom mire* (Treatises on Perpetual Peace). Saint Petersburg: "Aleteya" Publ., 173—204 (in Russian).
- Bohannan, P. (ed.). 1967. *Law and Warfare: Studies in the Anthropology of Conflict*. New York: Natural History Press.
- Bower, B. 1991. Gauging the Winds of War: Anthropologists Seek the Roots of Human Conflict. *Science News*. Vol. 139, №6 (February 9, 1991), 88—89, 91.
- Bramson, L., Goethals, G.W. (eds.). 1964. *War: Studies from Psychology, Sociology, Anthropology*. New York: Oldbourne Press.
- Caplan, A.L. (ed.). 1978. *The Sociobiological Debate*. New York: Harper and Row.
- Cartmill, M. 1994. *A View to a Death in the Morning: Hunting and Nature through History*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Ceadel, M. 1987. *Thinking about Peace and War*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Chagnon, N. 1988. Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population. *Science*. Vol. 239, 985—992.
- Chagnon, N., Irons, W. (eds.). 1979. *Evolutionary Biology and Human Social Behavior: An Anthropological Perspective*. North Scituate, Mass.: Duxbury Press.
- Chernyshyov, Yu. G. 1994. *Sotsialno-utopicheskiye idei i mif o «zlotom veke» v Drevnem Rime* (Social Utopian Ideas and Myth of the Golden Age in Ancient Rome). Novosibirsk: Novosibirsk University Press (in Russian).
- Cohen, R., Service, E.R. (eds.). 1978. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Cox, R.H. 1960. *Locke on War and Peace*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Crook, D.P. 1994. *Darwinism, War, and History: The Debate over the Biology of War from the "Origin of Species" to the First World War*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Dart, R. 1953. The Predatory Transition from Ape to Man. *International Anthropological and Linguistic Review*. Vol. 1, 201—219.
- Darwin, C.R. 1874. *Descent of Man*. 2nd ed. London: John Murray.

- Darwin, C.R. 1953. Proiskhozhdeniye cheloveka i polovoy otkor (Descent of Man, and Selection in Relation to Sex). In *Sochineniya* (Works). Vol. 5. Moscow: Academy of Sciences Press, 119—656 (in Russian).
- Davie, M. 2009. *Evolutsiya voyny* (The Evolution of War). Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Davie, M.R. 1929. *The Evolution of War: A Study of Its Role in Early Societies*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.
- Dawson, D. 1992. *Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought*. New York: Oxford Univ. Press.
- Dawson, D. 1996. The Origins of War: Biological and Anthropological Theories. *History and Theory*. Vol. 35, No. 1 (February), 1—28.
- Dawson, D. 1996. *The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World*. Boulder: Westview Press.
- Degler, C.N. 1991. *In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought*. New York: Oxford Univ. Press.
- Depew, D.J. 1995. *Darwinism Evolving: Systems Dynamics and the Genealogy of Natural Selection*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Divale, W.T., Harris, M. 1976. Population, Warfare, and the Male Supremacist Complex. *American Anthropologist*. Vol. 78, 521—538.
- Durham, W.H. 1976. Resource Competition and Human Aggression. Part I: A Review of Primitive War. *Quarterly Review of Biology*. Vol. 51, 385—415.
- Durham, W.H. 1991. *Coevolution: Genes, Culture, and Human Diversity*. Stanford: Stanford Univ. Press.
- Eibl-Eibesfeldt, I. 1979. *The Biology of Peace and War: Man, Animals, and Aggression*. Transl. by Eric Mosbacher. New York: Thames & Hudson.
- Falk, R.A., Kim, S.S. (eds.). 1980. *The War System: An Interdisciplinary Approach*. Boulder: Westview Press.
- Farrar, L.L. (ed.). 1978. *War: A Historical, Political, and Social Study*. Santa Barbara: ABC-CLIO.
- Ferguson, A. 1971. *Essay on the History of Civil Society*. New York: Garland Publishing (reprinted).
- Ferguson, R.B. 1990. Explaining War. *The Anthropology of War*. Ed. by J. Haas. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 26—55.
- Ferguson, R.B. (ed.). 1984. *Warfare, Culture, and Environment*. Orlando: Academic Press.
- Ferguson, R.B. 1984. Introduction: Studying War. *Warfare, Culture, and Environment*. Ed. by R. B. Ferguson. Orlando: Academic Press, 1—81.
- Ferguson, A. 2000. *Opyt istoriyi grazhdanskogo obshchestva* (Essay on the History of Civil Society). Moscow: "Rosspen" Publ. (in Russian).
- Ferguson, R.B., Farragher, L. (eds.). 1988. *The Anthropology of War: A Bibliography*. New York: H.F. Guggenheim Foundation.
- Freeman, D. 1983. *Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Freud, S. 1950. Why War? *Collected Papers*. Vol. 5. Ed. by James Strachey. London: The Hogarth Press, 273—287.
- Freud, S. 1992. Neizbezna li vojna? Pis'mo Albertu Eynshteynu (Why War? A Letter from Freud to Einstein). *Po tu storonu printsipa udovol'stviya* (Beyond the Pleasure Principle). Moscow: "Progress" Publ.; "Litera" Publ., 331—337 (in Russian).
- Freud, S. 2005. *Totem i tabu* (Totem and Taboo). Saint Petersburg: "Azбука-klassika" Publ. (in Russian).
- Fried, M.H., Harris, M., Murphy, R.F. (eds.). 1968. *War: The Anthropology of Armed Conflict and Aggression*. Garden City, N.Y.: The Natural History Press.
- Gallie, W.B. 1978. *Philosophers of Peace and War: Kant, Clausewitz, Marx, Engels, and Tolstoy*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Gat, A. 1989. *Origins of Military Thought: From the Enlightenment to Clausewitz*. Oxford: Clarendon Press.
- Gay, P. 1969. *The Enlightenment: An Interpretation*. 2 vols. New York: Alfred A. Knopf.
- Gay, P. 1993. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. III: The Cultivation of Hatred*. New York: W.W. Norton & Co. Inc.
- Givens, R.D., Nettlehip, M.A. (eds.). 1976. *Discussions on War and Human Aggression*. The Hague: Mouton Publishers.
- Gould, S.J. 1994. The Evolution of Life on the Earth. *Scientific American*. Vol. 271, № 4 (October), 84—91.
- Groebel, J., Hinde, R.A. (eds.). 1989. *Aggression and War: Their Biological and Social Bases*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Haas, J. (ed.). 1990. *The Anthropology of War*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.
- Haas, J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia Univ. Press.
- Hallpike, C.R. 1973. Functionalist Interpretations of Primitive Warfare. *Man*. Vol. 8, 451—470.
- Harris, M. 1968. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York: Crowell.
- Harris, M. 1972. Warfare Old and New. *Natural History*. Vol. 81, 18—20.
- Harris, M. 1974. *Cows, Pigs, Wars, and Witches*. New York: Random House.
- Harris, M. 1977. *Cannibals and Kings*. New York: Random House.
- Harris, M. 1989. *Our Kind: Who We Are, Where We Came From, Where We Are Going*. New York: Harper and Row.
- Hemleben, S.J. 1943. *Plans for World Peace through Six Centuries*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Hinde, R.A. (ed.). 1991. *The Institution of War*. London: Macmillan.
- Hobbes, T. 1958. *Leviathan or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil* (1651). Oxford: Clarendon Press.
- Hobbes, T. 2001. *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. I. XIII (Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil). Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Hoffmann, S., Fidler, D.P. (eds.). 1991. *Rousseau on International Relations*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- James, W. 1987. *Writings 1902—1910*. New York: The Library of America.
- James, W. 2015. Moralnyi ekvivalent voyny (The moral equivalent of war). *Istoriya filosofiyi* (History of Philosophy). Vol. 20, № 1, 215—231 (in Russian).
- Johnson, L.M. 1993. *Thucydides, Hobbes, and the Interpretation of Realism*. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press.
- Kant, I. 2003. K vechnomu miru. 1795 (Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. 1795). In *Traktaty o vechnom mire* (Treatises on Perpetual Peace). Saint Petersburg: "Aleteya" Publ., 205—241 (in Russian).
- Keegan, J. 1993. *A History of Warfare*. New York: Alfred A. Knopf.
- Keesing, R.M. 1974. Theories of Culture. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 3, 73—97.
- Kingsley, M.B. 1963. *French Liberal Thought in the Eighteenth Century: A Study of Political Ideas from Bayle to Condorcet*. Ed. by J.P. Mayer. New York: Harper and Row.
- Kitcher, P. 1985. *Vaulting Ambition: Sociobiology and the Quest for Human Nature*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Kropotkin, P.A. 2007. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsiyi* (Mutual Aid: A Factor in Evolution). Moscow: "Samooobrazovaniye" Publ. (in Russian).
- Kuper, A. 1973. *Anthropology and Anthropologists: The British School 1922—1972*. London: Pica Press.
- Lewontin, R.C., Rose, S.P.R., Kamin, L.J. (eds.). 1984. *Not in Our Genes: Biology, Ideology and Human Nature*. New York: Pantheon Books.
- Lieberman, L. 1989. A Discipline Divided: Acceptance of Human Sociobiological Concepts in Anthropology. *Current Anthropology*. Vol. 30, 676—682.
- Lipsius, J. 1939. *Of Constancy*. Transl. Sir John Stradling (1584). Ed. by R. Kirk. New Brunswick, N.J.: Rutgers Univ. Press.
- Lorenz, K. 1966. *On Aggression*. Transl. M.K. Wilson. New York: Harcourt, Brace, and World.
- Lorenz, K. 1994. *Agressiya* (On Aggression). Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Malinowski, B. 1941. An Anthropological Analysis of War. *American Journal of Sociology*. Vol. 46, № 4, 521—550.
- Malthus, T.R. 1868. *Opyt o zakone narodonaseleniya* (Essay on the Principle of Population). Vols. I—II. Saint Petersburg: Typography of I.I. Glazunov (in Russian).
- Maxwell, M. (ed.). 1991. *The Sociobiological Imagination*. Albany:

- State Univ. of New York Press.
- Mead, M. 1940. War is Only an Invention — Not a Biological Necessity. *Asia*. Vol. 40.
- Montagu, A. (ed.). 1980. *Sociobiology Examined*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Montesquieu, C.L. 1999. *O dukhe zakonov* (The Spirit of the Laws). Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Montesquieu, C. L. 1950—1961. *De l'esprit des loix (1748)*. Paris: Société Les Belles Lettres.
- Nettleship, M.A., Nettleship, A., Givens, R.D. (eds.). 1975. *War, Its Causes and Correlates*. The Hague: Mouton Publishers.
- Novikova, O.E. 2005. *Politika i etika v epokhu religioznykh voyn: Yust Lipsiy (1547—1606) (Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547—1606))*. Moscow: Publishing Center of D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (in Russian).
- Ortner, S.B. 1984. Theory in Anthropology since the Sixties. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 26, 126—166.
- Plutarch. 2008. O protivorechiyakh stoikov. 1049—1049f (On Stoic Self-Contradictions). In *Sochineniya (Works)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Univ. Press, 176—179 (in Russian).
- Price, T.D., Brown, J.A. (eds.). 1985. *Prehistoric Hunter-Gatherers: The Emergence of Cultural Complexity*. Orlando: Academic Press.
- Rappaport, R. 1968. *Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Richerson, P.J., Boyd, R. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Robarchek, C.A. 1989. Primitive Warfare and the Ratomorphic Image of Mankind. *American Anthropologist*. Vol. 91, 903—920.
- Roosevelt, G.G. 1990. *Reading Rousseau in the Nuclear Age*. Philadelphia: Temple Univ. Press.
- Rousseau, J.-J. 1969. Ob obshchestvennom dogovore (Pervyy nabrosok) (First Version of the Social Contract). In *Traktaty (Treatises)*. Moscow: "Nauka" Publ., 303—351 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 1969. Projekt konstitutsiyi dlya Korsiki (Constitutional Project for Corsica). In *Traktaty (Treatises)*. Moscow: "Nauka" Publ., 257—300 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 1969. Suzhdeniye o vechnom mire (Judgement of Perpetual Peace). In *Traktaty (Treatises)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142—150 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 2003. Suzhdeniye o vechnom mire (Judgement of Perpetual Peace). In *Traktaty o vechnom mire (Treatises on Perpetual Peace)*. Saint Petersburg: "Aleteya" Publ., 162—172 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 2013. Nachala prava voyny (Principles of the Right of War). In *Politicheskiye sochineniya (Political Works)*. Saint Petersburg: "Rostok" Publ., 240—256 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 2013. Rassuzhdeniye o politicheskoy ekonomii (Discourse on Political Economy). In *Politicheskiye sochineniya (Political Works)*. Saint Petersburg: "Rostok" Publ., 40—78 (in Russian).
- Rousseau, J.-J. 2013. Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she (Considerations on the Government of Poland). In *Politicheskiye sochineniya (Political Works)*. Saint Petersburg: "Rostok" Publ., 40—78 (in Russian).
- Russell, R.J. 1993. *The Lemur's Legacy: The Evolution of Power, Sex, and Love*. New York: Tarcher/Putnam.
- Saint-Pierre, C.I. 2003. Izbrannyye mesta iz proekta vechnogo mira (V izlozhenii J.-J. Rousseau). 1760 (Selections from Perpetual Peace Project (In the Statement of J.-J. Rousseau. 1760)). In *Traktaty o vechnom mire (Treatises on Perpetual Peace)*. Saint Petersburg: "Aleteya" Publ., 136—161 (in Russian).
- Sallustius Crispus, G. 1981. O zagovore Katiliny (The Catilinarian conspiracy). In *Sochineniya (Works)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7—11 (in Russian).
- Sallustius Crispus, G. 1981. Yugurtinskaya voyna (The Jugurthine War). In *Sochineniya (Works)*. Moscow: "Nauka" Publ., 64 (in Russian).
- Schneider, J. 1950. Primitive Warfare: A Methodological Note. *American Sociological Review*. Vol. 15, 772—777.
- Shaw, R.P., Wong Yuwa. 1989. *Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism and Patriotism*. Boston: Unwin Hyman.
- Slomp, G. 1990. Hobbes, Thucydides, and the Three Greatest Things. *History of Political Thought*. Vol. 11, 565—586.
- Souleyman, E.V. 1941. *The Vision of World Peace in Seventeenth and Eighteenth-Century France*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Spencer, H. 1851. *Social Statics*. London: John Chapman.
- Spencer, H. 1898. *Osnovaniya sotsiologii (Principles of Sociology)*. Vol. I. Saint Petersburg: I.D. Sytin Partnership (in Russian).
- Spencer, H. 1906. *Principles of Sociology*. 3rd ed. Vol. I. London: D. Appleton.
- Spencer, H. 1906. *Sotsialnaya statika. Izlozheniye zakonov, obuslovlivayushchikh schastye chelovechestva (Social Statics, or The Conditions essential to Happiness specified)*. Saint Petersburg: "V. Vrublevskiy" Publ. (in Russian).
- Thucydides. 1981. *Istoriya (History)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tiger, L. 1969. *Men in Groups*. New York: Random House.
- Tiger, L., Fox, R. 1974. *The Imperial Animal*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Turner, P.R., Pitt, D. (eds.). 1989. *The Anthropology of War and Peace: Perspectives on the Nuclear Age*. South Hadley, Mass.: Bergin & Garvey.
- Turney-High, H.H. 1971. *Primitive War: Its Practices and Concepts*. 2nd ed. Columbia, S.C.: Univ. of South Carolina Press.
- Van der Dennen, J.M. G. 1990. Origin and Evolution of 'Primitive' Warfare. *Sociobiology and Conflict: Evolutionary Perspectives on Competition, Cooperation, Violence and Warfare*. Ed. by Van der Dennen and V. Falger. London: Chapman and Hall, 149—188.
- Van der Dennen, J.M. G. 1990. Primitive War and the Ethnological Inventory Project. *Sociobiology and Conflict: Evolutionary Perspectives on Competition, Cooperation, Violence and Warfare*. Ed. by Van der Dennen and V. Falger. London: Chapman and Hall, 247—269.
- Vayda, A.P. 1976. *War in Ecological Perspective: Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies*. New York: Plenum Press.
- Washburn, S.L., Lancaster, S.C. 1968. The Evolution of Hunting. In *Man the Hunter*. Ed. by R. B. Lee and Irven De Vore. Chicago: Aldine Publishing Company, 293—304.
- Wilson, E. 1975. *Sociobiology: the New Synthesis*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Wilson, E. 1978. *On Human Nature*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Wilson, E. 1994. *Naturalist*. Washington, D.C.: Island Press/Shearwater.
- Wright, Q. 1965. *A Study of War*. 2nd ed. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Young, C.W. 1975. An Evolutionary Theory of the Causes of War. *War, Its Causes and Correlates*. Ed. by M.A. Nettleship, A. Nettleship, R.D. Givens. The Hague: Mouton Publishers, 199—207.

Doyme Dawson (Greensboro, North Carolina, USA). Ph.D. in Ancient History, Professor.

Doyme Dawson (Greensboro, Carolina de Nord, SUA). Ph.D. în istoria antică, profesor universitar.

Доусон Дойн (Гринсборо, Северная Каролина, США). Ph.D. древней истории, профессор.

Переводчик:

Dmitry Rukhliadev (Moscow, Russian Federation). Ph.D. in History, Researcher. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences¹.

Dmitry Rukhliadev (Moscova, Rusia). Ph.D. în istorie. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Рухлядев Дмитрий Владимирович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт языкознания Российской академии наук.

E-mail: rukhliadev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2030-0364

Address: ¹ Bolshoy Kislovsky Lane, 1, building 1, Moscow, 125009, Russian Federation

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИКМ	— Алуштинский историко-краеведческий музей. Алушта.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
БИКАМЗ	— Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Бахчисарай.
ВAAЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВКИКМЗ	— Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВЭ	— Вопросы эпиграфики. Москва.
ГABO	— Государственный архив Владимирской области. Владимир.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской академии наук. Владивосток.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВАД	— Известия на Варненското археологическо дружество. Варна.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИKNCK	— Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИНМВ	— Известия на народния музей Варна. Варна.
ИПЦ НГУ	— Издательско-полиграфический центр Новосибирского государственного университета. Новосибирск.
ИТУAK	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва.
IA HAHY	— Інститут археології національної Академії наук України. Київ.
КБН	— Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград.
ККК	— Керчь. Клейменная керамика.
КП	— Книга поступлений.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневартовск.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск; Нес-Циона.
МАИЭТ	— Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИЦАИ ЮНЕСКО	— Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО. Самарканд.
НА ИА HAHY	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НА ИAK РАН	— Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.

НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАО ГМЗ ХТ	— Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НВФ	— Научно-вспомогательный фонд.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
ННИУ	— Нижегородский Национальный исследовательский университет. Нижний Новгород.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАИБ	— Очерки археологии и истории Боспора. Москва.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ПАЭАССТ	— Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск.
преф.	— префектура.
пров.	— провинция.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград / Санкт-Петербург.
СОГУ	— Северо-Осетинский государственный университет. Орджоникидзе / Владикавказ.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУКИ	— Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Санкт-Петербург.
ССПіК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
стк., сткк.	— строка, строки.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ХГУ	— Херсонский государственный университет. Херсон.
ЦМТ	— Центральный музей Тавриды. Симферополь.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
Bull. ép.	— Bulletin épigraphique.
DGEER	— Schwyzler E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923 (Reprint: 1987).
Hdt.	— Herodotus.
impf.	— imperfectum.
IOlb	— Надписи Ольвии. Москва; Ленинград, 1968.
IPE I2	— Latishev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1885–1916.
IScM	— Pippidi, Dionisie M. Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae. Vol. 1. Inscriptiones Histriae et vicinia. Bucharest 1983.
LGPN	— Lexicon of Greek Personal Names.
LSJ	— A Greek-English Lexicon. Compiled by H.G. Liddell, R. Scott & H.S. Jones. 13 th Edition. Oxford, 1996.
Miletos	— McCabe, Donald F. Miletos Inscriptions. Texts and List. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton (1984). Packard Humanities Institute CD №6, 1991.
PATABS	— Production and trade of Amphorae in the Black Sea. Paris; Sofia; Constanța.
Polyb.	— Polybios.
RE	— Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft.
s.v.	— spectum verbum.
SEG	— Supplementum epigraphicum Graecum.
vac.	— vacat.